

Р 28.134

Р 28.134

РICHARD SHERIDAN

ШКОЛА ЗЛОСЛОВИЯ

РИЧАРД БРИНСЛИ
ШЕРИДАН

ШКОЛА
ЗЛОСЛОВИЯ

КОМЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

*Перевод
М. Лозинского*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСКУССТВО»
Москва 1941 Ленинград

Обложка художника Н. Денисова

Редактор С. Кирьянов

Подписано к печати 27/II 1941 г.
А36189. „Искусство“ № 2409.
Печ. л. 5. Уч.-изд. л. 6,03.
Печ. знаков в 1 печ. л. 46592.
Тираж 3000 экз.

Цена 3 руб.

Типография „Красный печатник“ Гос. изд-ва „Искусство“.
Москва, ул. 25 Октября, 5.
Заказ № 3.

Портрет

посылаемый миссис Крю¹ вместе с комедией
«Школа злословия» Р. Б. Шериданом

Вы, вскормленницы Школы Клеветы,
Доведшие поклеп до красоты,
Ужели нет на свете ни одной
Настолько милой и совсем иной,
Чтоб даже вы хвалу воздали ей
Безмолвием и завистью своей?
Сейчас живой предстанет образец
На суд суровый ваших злых сердец.
Решите сами, верен ли портрет,
Иль то Любви и Музы легкий бред.
Сюда, о племя многомудрых дев,

¹ Френсис Энн Крю, рождённая Грэвиль, в чьем доме собирались знаменитейшие люди Англии, славившись столько же умом, сколько замечательной красотой. Рейнольдс написал три ее портрета. *Прим. авт.*

О сонм матрон, чей беспощаден гнев,
Чей острый взгляд и хмурые черты
Не терпят юности и красоты,
Вы, по природе хладные своей,
Вы, в долгом девстве лютые, как змей,—
Сюда, о мастерицы сплесь навет,
Создать улики, если слухов нет!
О вы, чья память, сторожа порок,
Все, кроме факта, знает на-зубок!
Сюда, о клеветницы, стар и млад,
Ходячее злословье, станьте в ряд,
Чтоб нашей теме был противовес,
Как гимну — пасквиль, как святому — бес.
Ты, Аморетта (это имя нам
Уже знакомо по другим стихам),
Приди и ты; пусть милый жар ланит
Твою улыбку робко оттенит,
И, с нежно-неуверенным лицом,
Мне послужи желанным образцом.
О Муза, если б ты создать могла
Хоть слабый очерк этого чела,
Счастливой кистью вызвать на мольберт
Хоть бледный отсвет этих чудных черт,
Поэты бы воспели гений твой,
И Рейнольдс бы склонился головой,
Он, в чьем искусстве более чудес,
Чем в чудесах Природы и Небес,
Он, взору Дэвон давший новый жар,

Ланитам Грэнби — прелесть новых чар!
Неделгкий подвиг — дань хвалы принесть
Красе, чей разум презирает лесть!
Но, славя Аморетту, прав весь свет:
Пред нею, как пред Небом, лести нет,
И, прихотью судеб, она одна
Правдивость нашу отрицать склонна!
От мод не краше, крася их сама,
Проста, влеченьем вкуса и ума,
Скромна в движеньях, чуждая вполне
И сухости и буйных чувств волне,
Она не ходит, на себя надев
Лицо богинь иль облик королев.
Ее живая прелесть всякий раз
Не поражает, а пленяет нас;
То не величье, но ее черты
Мы не измерим мерой красоты!
Природный цвет ее ланит так жив,
Что, создавая это диво див,
Вполне бы мог божественный творец
На них бледнее наложить багрец,
Велев затворнице прелестных стен —
Стыдливой Скромности — служить взамен.
А этих губ кто воспоет вино?
Лишите их улыбки — все равно!
Сама Любовь как будто учит их
Движению, хоть не звучит на них;
Ты, видящий, не слыша, эту речь,

Не сожалей, что звук не мог дотечь;
Смотря на эти губы, ты всегда
Беседу их постигнешь без труда:
Они повиты прелестью такой,
Что полон думы самый их покой!
Но если взглянешь на игру лучей
Волшебно-нерешительных очей,
Следя, как часто, манием ресниц,
Бывает прерван пламень их зарниц,
Ты в них увидишь: крошка Купидон,
Своей опасной должностью смущен,
То скроет, то откроет дивный луч,
Который взорам смертных слишком жгуч.
От этих стрел, ласкающих разя,
В беззлобных ямочках спастись нельзя.
Хотя бы сердце в ней и не могло
Жестоким гневом ополчить чело,
Я кознями Любви покляться рад —
Ее улыбка гибельней стократ!
При виде той, что получила в дар
Всю полноту, всю яркость женских чар.
Мы были бы должны тщеславный нрав
Отнести к числу ее природных прав.
Но Аморетта, в милой простоте,
Сама своей не верит красоте
И стрелы чар, разящие кругом,
Невинно хочет оперить умом:
Всех женских знаний совмещая груз,

Воспитанница Грэвилля и Муз,
Любя учиться, помня грань пути,
Докуда можно женщине итти,
Она бы Фебу, если б встарь жила,
Не жрицей, а возлюбленной была,
С застенчивою робостью очей
И кроткою покорностью речей;
Как ни разумно говорит она,
В ней словно неуверенность слышна;
И, этой женской прелестью дыша,
Как разум мил, как мудрость хороша!
Ее дары, ее душевный склад
О сердце, дружном с мыслью, говорят:
Веселость, оттененная мечтой,
Насмешливость в союзе с добротой,
Брезгливость, скрытая не без труда,
Страх пред талантом, чем она горда.
Умолкни, Муза! Песнь свою прерви
И похвалу бессильной назови;
Поэзия достигнуть не могла
Ее достоинств, но твоя хвала
Смутила хор завистниц красоты
И омрачила царство Клеветы!
Все эти ведьмы черствым языком
Шипят, что этот облик им знаком,
И называют ту, кого пою,
Вас, мой прообраз и мой гений — Крю!

Пролог

написанный мистером Гарриком¹

«Школа злословья»? Полно! Неужели
Без школы мы злословить не умели?
Какие тут уроки могут быть?
Еще бы нас учили есть и пить!
Когда красавиц наших, ту иль эту,
Тревожит печень,— дайте им газету:
В ней сильнодействующих — quantum satis;
Чего бы вы ни пожелали — нате-с.
«О боже!» — леди Уксус (что непрочь
За картами прощебетать всю ночь),
К полудню встав, свой крепкий чай мешает
Со сплетнями: «Как это освежает!

¹ Дэвид Гаррик (1717—1779) — знаменитый актер. Он был одним из совладельцев и директором театра Drury Lane. В 1776 году он покинул сцену и продал свой пай Шеридану, который с этих пор стал во главе театра.

Дай мне газету, Лисп,— как хорошо! (Отхлебывает.)

Вчера лорд Л. (отхлебывает) был пойман
с леди О.

Как это помогает от мигрени! (Отхлебывает.)

Хоть миссис Б. и опускает шторы,
Сквозь них легко проникнут наши взоры.

Да, это зло; жестокая заметка;

Но, между нами (отхлебывает), право, очень
метко.

Ну, Лисп, читайте вы, отсюда вот!» —

«Так-с! — Пусть лорд К., тот самый, что живет
На Гровнор-сквер, себя побережет:

Хоть леди У. он и дороже сына,

Но уксус горек.— Это я! Скотина!

Сейчас сожгите, и чтоб в дом мой эту

Впредь не носили подлую газету!»

Так мы смеемся, если кто задет,

А нас заденут,— смеха больше нет.

Ужель наш юный бард так юн, что тщится

От моря лжи плотиной оградиться?

Иль он так мало знает грешный мир?

С нечистой силой как вести турнир?

Он биться с грозным чудищем идет:

Срежь Сплетне голову,— язык живет.

Горд вашей благосклонностью былой,

Наш юный Дон Кихот вновь вышел в бой;

В угоду вам, он обнажил перо
И жаждет Гидре погрузить в нутро.
Дабы снискать ваш плеск, он будет, полон пыла,
Разить,— то бишь писать,— пока в руке есть сила,
И рад пролить для вас всю кровь,— то бишь
чернила.

Действующие лица

Сэр Питер Тизл.
Сэр Оливер Сэрфес.
Джозеф Сэрфес.
Чарлз Сэрфес.
Крабтри.
Сэр Бенджемин Бэкбайт.
Раули.
Мозес.
Трип.
Снейк.
Кейрлесс.
Сэр Харри Бэмпер.
Леди Тизл.
Мэрайя.
Леди Снируэл.
Миссис Кэндер.

Действие первое

ЯВЛЕНИЕ I

У ЛЕДИ СНИРУЭЛ

Леди Снируэл перед туалетом; Снейк пьет шоколад.

Леди Снируэл. Так вы говорите, мистер Снейк, что все заметки сданы в печать?

Снейк. Сданы, сударыня; и так как я сам переписывал их измененным почерком, то никто не догадается об их источнике.

Леди Снируэл. А распространяли вы известие о романе леди Бритл с капитаном Бостолом?

Снейк. Здесь все обстоит как нельзя лучше. Если не случится ничего непредвиденного, то, по-моему, через сутки эта новость достигнет ушей миссис Клэккит; и тогда, как вам известно, можно считать, что дело сделано.

Леди Снируэл. Да, конечно, у миссис Клэккит очень недурные способности и большая опытность.

Снейк. Совершенно верно, сударыня, и в свое время она действовала довольно удачно. По моим сведениям, она была причиной шести расстроенных свадеб и трех отказов сыновьям в наследстве; четырех насильтственных похищений и стольких же тюремных заключений; девяти раздельных жительств и двух разводов. Я не раз обнаруживал, что на страницах «Города и провинции» она устраивала *tête à tête* людям, которые, вероятно, за всю свою жизнь ни разу друг друга в глаза не видели.

Леди Снируэл. Она несомненно талантлива, но у нее тяжеловатые приемы.

Снейк. Вы совершенно правы. У нее бывает хорош общий замысел, она обладает даром слова и смелым воображением; но колорит ее слишком темен, а рисунок по большей части экстравагантен. Ей недостает той мягкости оттенков, той приятной улыбки, которые отличают злословие вашей милости.

Леди Снируэл. Снейк, вы пристрастны.

Снейк. Ничуть. Все утверждают, что одним лишь словом или взглядом леди Снируэл достигает большего, чем другие самой тщательно разработанной сплетней, даже когда им удается подкрепить ее крупицей правды.

Леди Снируэл. Да, мой милый Снейк, я не стану отрицать, что меня радуют плоды моих стараний. Уязвленная в ранней молодости ядовитым жалом кле-

четы, я не знаю большего наслаждения, чем низводить
других до уровня моей опороченной репутации.

Снейк. Это вполне естественно. Но, леди Снируэл,
в таком случае, который вы недавно мне доверили, я,
говоря откровенно, затрудняюсь понять, чем вы руко-
водствуетесь.

Леди Снируэл. Вы разумеете моего соседа, сэра
Питера Тизл, и его семейство?

Снейк. Вот именно. Там имеется двое молодых лю-
дей, для которых сэр Питер, после смерти их отца, был
чем-то вроде опекуна. Старший обладает отменнейшими
качествами и пользуется наилучшей славой; младший —
самый беспутный и сумасбродный юноша во всем коро-
левстве, без друзей и правил. Первый — признанный
поклонник вашей милости и, повидимому, ее фаворит;
второй ухаживает за Мэрайей, воспитанницей сэра Пи-
тера, и она его несомненно любит. И если принять все
это в соображение, я решительно не могу понять, по-
чему бы вам, вдове человека с именем, состоятельной
женщине, не соединить свою жизнь с таким достойным
и многообещающим человеком, как мистер Сэрфес; а
главное — почему вы так настойчиво стремитесь раз-
рушить взаимную привязанность, которую питают друг
к другу его брат Чарлз и Мэрайя.

Леди Снируэл. Так вот, чтобы вы разгадали эту
загадку, я должна вам сказать, что в моих отношениях
мистером Сэрфесом любовь совершенно ни при чем.

Снейк. Как так?

Леди Снируэл. Он влюблен в Мэрайю, или в ее приданое. Но, встретив в своем брате счастливого соперника, он был вынужден скрыть свои намерения и прибегнуть к моей помощи.

Снейк. Но почему вы заинтересованы в его успехе? Для меня это непонятнее всего остального.

Леди Снируэл. Какой вы тугодум! Неужели вы не догадываетесь о сердечной слабости, в которой я до сих пор стыдилась открыться даже вам? Вы хотите, чтобы я призналась, что Чарлз, этот гуляка, этот расточитель, промотавший и состояние и доброе имя, и есть причина моих тревог и моей злобы и что я готова пожертвовать всем, чтобы завоевать его?

Снейк. Теперь, действительно, ваше поведение представляется последовательным. Но что же вас сблизило с мистером Сэрфесом?

Леди Снируэл. Взаимная выгода. Я разгадала его давно. Я знаю, это хитрый, себялюбивый, коварный человек — словом, сладкоречивый плут; тогда как сэр Питер да и все знакомые видят в нем юное чудо нравственности, здравомыслия и доброты.

Снейк. Да. Сэр Питер клянется, что равного ему нет во всей Англии, и превозносит его прежде всего как человека высоких чувств.

Леди Снируэл. Это верно, и с помощью высоких чувств и лицемерия он всецело склонил сэра Питера на свою сторону в вопросе о судьбе Мэрайи; тогда как у бедняги Чарлза нет ни одного друга в доме,

хотя, я боюсь, у него есть могущественный союзник в мэрайнном сердце. Против него-то мы и должны направить наши усилия.

Входит слуга.

Слуга. Мистер Сэрфес.

Леди Снируэл. Попросите сюда.

Слуга уходит. Входит Джозеф Сэрфес.

Джозеф Сэрфес. Дорогая леди Снируэл, как сегодня ваше самочувствие? Мистер Снейк, ваш покорнейший слуга.

Леди Снируэл. Мистер Снейк как раз подтрунивал над нашей взаимной привязанностью, но я разъяснила ему наши истинные виды. Вы знаете, как он был для нас полезен, и смею вас уверить, что такая откровенность более чем уместна.

Джозеф Сэрфес. Сударыня, я бы никогда в жизни не усомнился в таком чувствительном и благородном человеке, как мистер Снейк.

Леди Снируэл. Оставьте комплименты и лучше скажите мне, когда вы видели вашу возлюбленную, Мэрайю, или, что для меня гораздо существеннее, вашего брата.

Джозеф Сэрфес. С тех пор, как я с вами расстался, я их не видел; но могу вам сообщить, что они больше не встречаются. Некоторые ваши рассказы произвели на Мэрайю должное действие.

Леди Снируэл. Ах, дорогой мой Снейк, это ваша заслуга! А как дела вашего брата? Идут все хуже?

Джозеф Сэрфес. С каждым часом. Мне говорили, что вчера у него опять описывали имущество. Словом, его мотовство и легкомыслие превосходят все, что я когда-либо слышал.

Леди Снируэл. Бедный Чарлз!

Джозеф Сэрфес. О да, сударыня! Несмотря на его пороки, его нельзя не жалеть. Я был бы рад, если бы мог хоть чем-нибудь ему помочь, потому что человек, бесчувственный к несчастьям брата, хотя бы они были порождены беспутством, заслуживает...

Леди Снируэл. О боже! Вы собираетесь читать и правоучения и забываете, что вы среди друзей.

Джозеф Сэрфес. Да, вы правы. Это изречение я приберегу для сэра Питера. И все-таки было бы добрым делом спасти Мэрайю от этого гуляки, который если и может быть исправлен, то только особой, обладающей вашими высокими достоинствами и умом.

Снейк. Леди Снируэл, мне кажется, к вам кто-то пришел. Я пойду переписать письмо, о котором я вам говорил. Мистер Сэрфес, мое низайшее.

Джозеф Сэрфес. Сэр, мое глубочайшее.

Снейк уходит.

Леди Снируэл, я очень жалею, что вы оказываете доверие этой личности.

Леди Снируэл. Но почему?

Джозеф Сэрфес. Я недавно обнаружил, что он часто беседует со старым Раули, который был дворецким у моего отца и, как вам известно, никогда не принадлежал к числу моих друзей.

Леди Снируэл. И вы думаете, он может нас выдать?

Джозеф Сэрфес. Несомненно. Я вам ручаюсь, леди Снируэл, у него нехватит честности быть верным даже собственному негодяйству. Ах, Мэрайя!

Входит Мэрайя.

Леди Снируэл. Мэрайя, дорогая моя, здравствуйте! Что случилось?

Мэрайя. Ах, там к моему опекуну пришел этот противный мой поклонник, сэр Бенджемин Бэкбайт, со своим отвратительным дядюшкой Крабтои. Я потихоньку скрылась и прибежала сюда, чтобы их не видеть.

Леди Снируэл. Только и всего?

Джозеф Сэрфес. Если бы вместе с ними явился мой братец Чарлз, вы, вероятно, не были бы так испуганы.

Леди Снируэл. Как вы несправедливы! Смею вас уверить, что все это не так: просто, Мэрайя узнала, что вы тут. Но, дорогая моя, что же такое сделал сэр Бенджемин, что вы его так избегаете?

Мэрайя. Ах, он ничего не сделал, но он слишком много наговорил. Его разговор — это сплошной пасквиль на всех его знакомых.

Джозеф Сэрфес. Да, и хуже всего то, что нет никакой выгоды не быть с ним знакомым, потому что он совершенно также готов очернить постороннего, как и лучшего своего друга; и дядюшка у него точно такой же.

Леди Снигуэл. Но нельзя все-таки отрицать, что сэр Бенджемин остроумный человек и притом поэт.

Мэрайя. Что до меня, сударыня, то я должна сознаться, что остроумие теряет цену в моих глазах, когда оно соединено со злостью. Вы согласны, мистер Сэрфес?

Джозеф Сэрфес. Разумеется, сударыня: улыбаться шутке, которая вонзает терн в чужую грудь, это значит быть соучастником злодеяния.

Леди Снигуэл. Полноте! Какое же возможно остроумие без капельки яда? Умному слову нужна клюочка злости, чтобы зацепиться. Как ваше мнение, мистер Сэрфес?

Джозеф Сэрфес. Конечно, сударыня: разговор, из которого изгнан дух насмешки, всегда будет скучен и бесцветен.

Мэрайя. Я не хочу спорить о том, в какой мере извинительно злословие. Но в мужчине, на мой взгляд, оно всегда постыдно. У нас имеются тщеславие, зависть, соперничество и тысяча всяких оснований порочить друг друга; но мужчина, чтобы очернить другого, должен обладать женской трусостью.

Входит слуга.

Слуга. Сударыня, миссис Кэндэр дожидается в коридоре, и, если ваша милость не заняты, она подымется наверх.

Леди Снируэл. Попросите ее пожаловать.

Слуга уходит.

Вот вам, Мэрайя, никто в вашем вкусе. Хотя миссис Кэндэр немножко болтлива, все согласны, что это добреяшая и прекраснейшая женщина.

Мэрайя. Да,—и со своим нелепым напускным добродушием она приносит больше вреда, чем откровенная злость старого Крэбтри.

Джозеф Сэрфес. Это правда, леди Снируэл. Когда я слышу, что общественное мнение ополчается на моих друзей, я больше всего боюсь, чтобы миссис Кэндэр не выступила на их защиту.

Леди Снируэл. Тш! Она идет.

Входит миссис Кэндэр.

Миссис Кэндэр. Дорогая леди Снируэл, как вы проживали это столетие? Мистер Сэрфес, что слышно нового? — хотя, впрочем, это не важно, потому что ничего не приходится слышать, кроме сплетен.

Джозеф Сэрфес. Вот именно, сударыня.

Миссис Кэндэр. О, Мэрайя, дитя мое! Ну, как? Все кончено между вами и Чарлзом? Его мотовство, я полагаю... Весь город только об этом и говорит.

Мэрайя. В самом деле? Мне очень жаль, сударыня, что город не находит для себя лучшего занятия.

Миссис Кэндэр. Верно, верно, дитя мое. Но людских языков не остановишь. Признаться, мне было больно услышать это, да притом еще узнать из того же источника, что ваш опекун, сэр Питер, и леди Тизл последнее время живут не так дружно, как этого можно бы желать.

Мэрайя. С какой наглостью люди вмешиваются в чужие дела!

Миссис Кэндэр. Совершенно верно, дитя мое. Но что поделаешь? Людям хочется говорить, этому ничем помешать нельзя. Да вот, не дальше, как вчера, мне рассказывали, что мисс Гедэбаут бежала с сэром Филигри Флертом. Но, боже мой, разве можно придавать значение тому, что слышишь! Хотя, уверяю вас, мне это сообщило очень осведомленное лицо.

Мэрайя. Все это — возмутительнейшие сплетни.

Миссис Кэндэр. Разумеется, дитя мое, просто стыд, просто стыд! Но свет привередлив, от него нет защиты. Боже мой, кто бы, например, позволил себе заподозрить вашу подругу, мисс Прим, в неблаговидном поступке? Однако люди так злы, что рассказывают, будто ее дядя на прошлой неделе поймал ее в ту самую минуту, когда она садилась в йоркский дилижанс со своим учителем танцев.

Мэрайя. Я могу вам поручиться, что этот рассказ ни на чем не основан.

Миссис Кэндэр. О, решительно ни на чем, клянусь вам. Не больше, вероятно, чем эта история, о которой говорили прошлый месяц, насчет миссис Фестино и полковника Кассино, хотя, надо сказать, вопрос так и остался не выясненным как следует.

Джозеф Сэрфес. Разнуданность, с которой некоторые люди сочиняют небылицы, поистине чудовищна.

Мэрайя. Это так; но, по-моему, те, кто подобные выдумки передает, одинаково виновны.

Миссис Кэндэр. Безусловно; передатчики сплетен нисколько не лучше, чем их сочинители. Это — старое утверждение, и очень правильное. Но что по-делаешь, как я уже сказала! Ну, как вы запретите людям говорить? Сегодня миссис Клэккит уверяла меня, что мистер и миссис Хонимун теперь уже только по названию муж и жена, как и остальные их знакомые. Она намекнула также, что некая вдова, на соседней улице, самым удивительным образом избавилась от вдовянки и приобрела прежнюю стройность. А мисс Тэттл, которая была тут же, утверждала, что лорд Бэффэло застал свою супругу в некоем весьма сомнительном доме и что сэр Генри Бокет и Том Саунтер должны скрестить шпаги по такому же делу. Но, боже мой, неужели вы думаете, что я стала бы передавать эти рассказы! Нет, нет, передатчики сплетен, как я уже сказала, ничуть не лучше, чем их сочинители.

Джозеф Сэрфес. Ах, миссис Кэндэр, если бы все обладали вашей сдержанностью и добрым сердцем!

Миссис Кэндэр. Я должна сознаться, мистер Сэрфес, что я не выношу, когда на людей нападают за их спиной; и, когда относительно моих знакомых обнаруживаются какие-нибудь некрасивые обстоятельства, я всегда предпочитаю думать о них одно наилучшее. Кстати, я надеюсь, это неправда, что ваш брат окончательно разорился?

Джозеф Сэрфес. Я боюсь, что его дела действительно очень плохи, сударыня.

Миссис Кэндэр. Ах, я тоже слышала. Но вы должны ему сказать, чтобы он не падал духом. В таком же положении почти все — лорд Спинда, сэр Томас Сплит, капитан Куинз и мистер Никкит, — все, я слышала, прогорят на этой неделе. Так что если Чарлз пойдет ко дну, то он увидит, что половина его знакомых тоже разорена, а это, как-никак, утешение.

Джозеф Сэрфес. Несомненно, сударыня, и очень большое.

Входит слуга.

Слуга. Мистер Крэбтри и сэр Бенджемин Бэкбайт.

Слуга уходит.

Леди Снируэл. Вот видите, Мэрайя, ваш поклонник вас преследует: вам, положительно, негде укрыться.

Входят Крэбтри и сэр Бенджемин Бэкбайт.

Крэбтри. Леди Снируэл, целую вашу руку. Миссис Кэндэр, вы, кажется, незнакомы с моим племянни-

ком, сэром Бенджемином Бэктайтом? Ей-богу, сударыня, это остроумнейший молодой человек и прелестный поэт вдобавок. Не правда ли, леди Снируэл?

Сэр Бенджемин Бэктайт. Ах, что вы, дядюшка!

Крэбтри. Ей же богу, это правда. По части ребусов и шарад он вам забьет лучшего рифмача во всем королевстве. Ваша милость слышала эпиграмму, которую он написал на той неделе по поводу загоревшегося пера леди Фризл? Ну-ка, Бенджемин, повтори ее, или шараду, которую ты сочинил экспромптом на вечере у миссис Драузи. Скажи: мое первое — название рыбы, мое второе — знаменитый адмирал, мое...

Сэр Бенджемин Бэктайт. Дядюшка, нет, прошу вас...

Крэбтри. Честное слово, сударыня, вы бы изумились, если бы только слышали, до чего он искусен во всех этих прелестях.

Леди Снируэл. Я удивляюсь, сэр Бенджемин, что вы никогда ничего не печатаете.

Сэр Бенджемин Бэктайт. Говоря по правде, сударыня, печатать — слишком уж вульгарно; а так как мои маленькие опыты — по большей части сатиры и памфлеты на отдельных лиц, то, по-моему, они лучше расходятся, когда я доверительно раздаю списки друзьям затронутых особ. Но у меня есть несколько любовных элегий, которые, если их осчастливит улыбка этих уст, я намерен издать в свет.

Крэбтри. Клянусь небом, сударыня, они вас обес-
смертят! Ваше имя перейдет в потомство, подобно именам петрарковой Лауры или уоллеровой Сэкариссы.

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Да, сударыня, я
думаю, что они вам понравятся, когда вы их увидите на
великолепной странице ин-кварто, где прозрачный ру-
чеек текста будет извиваться среди полей бумаги. Ви-
дит бог, это будут изящнейшие в своем роде создания!

Крэбтри. А знаете, сударыни, ведь это правда!
Вы слышали новость?

Миссис Кэндэр. Вы имеете в виду историю
относительно...

Крэбтри. Нет, сударыня, совсем другое. Мисс
Найсли выходит замуж за своего лакея.

Миссис Кэндэр. Не может быть!

Крэбтри. Спросите сэра Бенджемина.

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Истиинная правда,
сударыня. Все уже назначено, и шьются свадебные на-
ряды.

Крэбтри. Да, и говорят, имелись весьма побуди-
тельные причины.

Леди Снируэл. В самом деле, я уже что-то слы-
шала об этом.

Миссис Кэндэр. Этого не может быть, и я не
понимаю, как можно верить подобной басне о такой
благоразумной девице, как мисс Найсли.

Сэр Бенджемин Бэкбайт. О боже мой, су-
дарыня, вот поэтому-то ей сразу и поверили. Видя мисс

Найсли всегда такой сдержанной и осмотрительной, все были убеждены, что за этим кроются какие-то особые причины.

Миссис Кэндэр. Что и говорить, для строгой женщины ее закала скандальная сплетня так же губительна, как лихорадка для людей крепкого сложения. Зато бывают такие хилые репутации, которые всегда прихвачивают, однако способны пережить добрую славу ста самых коренастых недотрог.

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Вот именно, сударыня. Бывают люди не только со слабым здоровьем, но и с болезненной репутацией; зная свои уязвимые места, они прячутся от малейшего сквозняка и восполняют недостаток жизненных сил постоянной заботой о себе.

Миссис Кэндэр. Во всяком случае, очень может быть, что все это ошибка. Вы же знаете, сэр Бенджемин, как сплошь да рядом самые ничтожные обстоятельства дают повод для оскорбительнейших слухов.

Крэбтри. Сколько угодно, готов присягнуть, сударыня. Слышали вы, как прошлым летом в Тэнбридже мисс Пайпер утратила жениха и доброе имя? Вы это помните, сэр Бенджемин?

Сэр Бенджемин Бэкбайт. О, еще бы! Совершенно удивительный случай.

Леди Снируэл. Как же это было, расскажите!

Крэбтри. Так вот, однажды вечером в доме у миссис Понто зашел разговор о разведении в наших краях новошотландских овец. Одна молодая дама и

говорит: «Я знаю случаи, когда они давали приплод. У мисс Литишии Пайпер, моей кузины, была новошотландская овца, которая родила двойню». — «Что?» — воскликнула старая леди Дэндизи (которая, как вам известно, глуха, как пень). — Мисс Пайпер родила двойню?» Эта ослышка, как вы легко можете себе представить, вызвала всеобщий хохот. Тем не менее на следующее утро всюду сообщалось, а несколько дней спустя весь город этому верил, что мисс Литишия Пайпер действительно произвела на свет прелестнейших мальчика и девочку. Не прошло и недели, как иные уже могли назвать отца и даже мэзу, куда малютки были отданы на попечение кормилицы.

Леди Снируэл. Странно, действительно!

Крэбтри. Истинная правда, уверяю вас. Ах, боже мой! Мистер Сэрфес! Скажите, правда, что ваш дядя, сэр Оливер, должен скоро вернуться?

Джозеф Сэрфес. Я об этом не слышал, сэр.

Крэбтри. Долгие годы провел он в Ост-Индии. Вы его навряд ли даже помните? Грустно будет ему слышать, возвратясь домой, до чего дошел ваш брат!

Джозеф Сэрфес. Чарлз повел себя неосторожно, сэр, конечно. Но я надеюсь, не нашлось еще праздных людей, чтобы заранее повредить ему во мнении сэра Оливера. Он может еще исправиться.

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Разумеется, может. Что касается меня, то я никогда не верил, чтобы

он был до такой степени лишен всяких принципов, как это про него говорят; и хоть он и растерял всех своих друзей, я слышал, он пользуется исключительными симпатиями среди евреев.

К рэ б тр и. Верно, племянник, честное слово! Если бы еврейский квартал имел самоуправление, то Чарлз наверное был бы у них выборным старшиной. Там нет человека популярнее, ей-богу! Я слышал, он выплачивает не меньше процентов, чем ирландское страховое общество; а когда он болен, то о восстановлении его здоровья молятся во всех синагогах.

Сэр Бенджемин Бэкбайт. И в то же время никто не живет с большей роскошью. Говорят, когда он угощает своих друзей, он садится за стол с целой дюжиной поручителей; в передней дожидается человек двадцать поставщиков, а за столом у каждого гостя стоит по судебному приставу.

Джозеф Сэрфес. Вам, господа, это, быть может, и забавно, но вы очень мало считаетесь с чувствами брата.

Мэрайя. Их зложелательство невыносимо. Леди Снируэл, я должна проститься с вами, мне что-то не здоровится. (Уходит.)

Миссис Кэндэр. Ах, боже мой! Как она побледнела!

Леди Снируэл. Проводите ее, миссис Кэндэр; ей может понадобиться помощь.

Миссис Кэндэр. Разумеется, со всей охотой.

Бедная девочка, кто знает, в каком она положении, может быть! (Уходит.)

Леди Снируэл. Просто ей стало неприятно, что говорят о Чарлзе, хотя сейчас они и в ссоре.

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Симпатии этой молодой особы очевидны.

Крабтри. И все-таки, Бенджемин, не отставай: ступай за ней и приведи ее в хорошее настроение. Прочти ей твои стихи. Пойдем, я тебе помогу.

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Мистер Сэрфес, я отнюдь не хотел вас задеть. Но только верьте мне, ваш брат окончательно пропал.

Крабтри. Пропал, как редко кто пропадал. Гинеи занять не может!

Сэр Бенджемин Бэкбайт. И продано с молотка все, что можно было продать.

Крабтри. Мне говорил человек, побывавший у него в доме. Ничего не осталось, кроме нескольких пустых бутылок, которых не заметили, и фамильных портретов, которые, повидимому, вделаны в стены.

Сэр Бенджемин Бэкбайт. И притом еще, к сожалению, я слышал на его счет довольно скверные вещи.

Крабтри. О, за ним немало числится историй, поверьте.

Сэр Бенджемин Бэкбайт (уходя). Но так как он все-таки ваш брат...

Крэбтри. Мы вам все при случае расскажем.

Крэбтри и сэр Бенджемин Бэкбайт уходят.

Леди Снируэл. Ха-ха! Каково им уходить, не уничтожив человека без остатка!

Джозеф Сэрфес. Я думаю, ваша милость не меньше, чем Мэрайя, возмущены этими пересудами.

Леди Снируэл. Боюсь, ее привязанность гораздо глубже, чем нам казалось. Впрочем, вечером здесь будет вся семья; так что вы пообедайте у меня, а затем мы продолжим наши наблюдения. Пока что я пойду подстроить маленькое злодейство, а вы займитесь наукой чувств.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ II

У СЭРА ПИТЕРА ТИЗЛ

Входит сэр Питер Тизл.

Сэр Питер Тизл. Когда старый холостяк берет молодую жену, чего ему ждать? Вот уже полгода, как леди Тизл сделала меня счастливейшим из людей, и с тех пор я несчастнейший пес! Уже по дороге в церковь мы чуточку повздорили — и начисто поссорились, прежде чем умолкли колокола. За время нашего медового месяца я несколько раз чуть не помер от разлития

желчи, и еще не все мои приятели успели меня поздравить, как я уже потерял всякий вкус к жизни. А между тем я выбирал с осторожностью,— девушку, выросшую в деревне, которая не знала другой роскоши, кроме единственного шелкового платья, и других развлечений, кроме ежегодного бала по случаю скачек. А теперь она исполняет свою роль во всех сумасшедших затеях столичной моды с такой легкой грацией, словно она отроду не видела ни кустика, ни зеленой травки иначе, как на Гровнор-сквере! Надо мной смеются все мои знакомые, про меня пишут в газетах. Она проматывает мое состояние и перечит мне на каждом шагу. И хуже всего то, что я, должно быть, ее люблю, иначе я не стал бы терпеть все это. Но я никогда не позволю себе признаться в этом.

Входит Раули.

Раули. О! Сэр Питер, ваш слуга покорный. Как поживаете, сэр?

Сэр Питер Тизл. Очень плохо, любезный Раули, очень плохо. Ничего не вижу, кроме невзгод и огорчений.

Раули. Что же это успело так расстроить вас со вчерашнего дня?

Сэр Питер Тизл. Станный вопрос женатому человеку.

Раули. Я уверен, сэр Питер, что ваша супруга не может быть причиной вашего расстройства.

Сэр Питер Тизл. А что, разве вам кто-нибудь сказал, что она умерла?

Раули. Полноте, сэр Питер, вы ее любите, хотя и не вполне сходитесь характерами.

Сэр Питер Тизл. Виновата в этом она одна, любезный Раули. Сам я мирнейший человек на свете и ненавижу сварливых людей. И я твержу ей это сто раз в день.

Раули. Вот как!

Сэр Питер Тизл. Да; и знаете, что странно: во всех наших спорах она всегда бывает неправа! Но леди Синирузэл и вся эта компания, с которой она у нее встречается, только поощряют ее дурные склонности. И, в довершение моих несчастий, Мэрайя, моя воспитанница, которой надлежало бы меня слушаться, тоже решила взбунтоваться и наотрез отказывается от жениха, которого я давно для нее наметил. Повидимому, она собирается выйти за его беспутного брата.

Раули. Вы знаете, сэр Питер, что я всегда имел смелость не соглашаться с вами в отношении этих молодых людей. И я боюсь, как бы вы не разочаровались в старшем. Что касается Чарлза, то, ручаюсь головой, он еще исправит свои ошибки. Их достойнейший отец, мой уважаемый хозяин, был в его годы почти такой же ветрогон, а когда он помер, то не осталось на свете второго такого сердца, чтобы его оплакивать.

Сэр Питер Тизл. Любезный Раули, вы ошибаетесь. Когда умер их отец, я, как вам известно, стал

для них обоих как бы опекуном, пока щедрость их дяди, сэра Оливера, не дала им ранней независимости. Понятно, я, более чем кто-либо другой, имел возможность узнать их сердца, а я никогда в жизни не ошибался. Джозеф может поистине служить образцом для молодых людей нашего времени. Это человек благородных правил, и с ними он сообразует свои поступки. А младший, поверьте моему слову, если и унаследовал крупицу добра, то растратил ее вместе с остальным наследством. Ах, мой старый друг сэр Оливер будет глубоко удручен, когда он увидит, как злоупотребили его добротой!

Раули. Мне очень горестно, что вы так ожесточены против молодого человека, потому что сейчас, быть может, наступает решающая пора в его судьбе. Я сюда явился с новостями, которые вас удивят.

Сэр Питер Тизл. Что такое? Расскажите.

Раули. Сэр Оливер приехал, и сейчас он в Лондоне.

Сэр Питер Тизл. Как! Быть не может! Мне казалось, вы его не ждали в этом месяце.

Раули. Не ждал; но он замечательно быстро совершил морской переход.

Сэр Питер Тизл. Честное слово, я буду рад встретиться со старым другом. Пятнадцать лет не виделись. Много было вместе пережито... И что же, он попрежнему требует, чтобы мы не извещали его племянников о его приезде?

Раули. Самым настойчивым образом. Он хочет, пока это не узналось, кое в чем их испытать.

Сэр Питер Тизл. Ах, да разве требуются особые хитрости, чтобы оценить их по достоинству! Впрочем, пусть делает, как хочет. А что, он знает, что я женат?

Раули. Да, и скоро явится вас поздравить и пожелать вам счастья.

Сэр Питер Тизл. Это как мы пьем здоровье друга, который умирает от чахотки. Ах, Оливер меня засмеет! Мы с ним всегда трунили над женитьбой, и он остался верен себе. Однакоже он может скоро сюда явиться. Я сейчас же распоряжусь по дому. Но смотрите, любезный Раули, ни слова о том, что мы с леди Тизл иной раз ссоримся.

Раули. Ни в коем случае.

Сэр Питер Тизл. Иначе Нолль изведет меня своими шуточками. Пусть его думает, прости меня бог, что мы самая счастливая чета.

Раули. Я вас понимаю. Но вы и сами должны избегать малейших ссор в его присутствии.

Сэр Питер Тизл. Видит бог, должны — и это невозможно. Ах, любезный Раули, когда старый холостяк берет молодую жену, он заслуживает... да что там! Преступление само в себе уже содержит кару.

Уходят.

Действие второе

ЯВЛЕНИЕ I

У СЭРА ПИТЕРА ТИЗЛ

Входят сэр Питер и леди Тизл.

Сэр Питер Тизл. Леди Тизл, леди Тизл, я этого не допущу!

Леди Тизл. Сэр Питер, сэр Питер, допускайте или не допускайте, — это ваше дело. Но я намерена во всем поступать по-своему, и не только намерена, но и буду. Да! Хоть я и воспитана в деревне, я очень хорошо знаю, что в Лондоне светские женщины никому не обязаны отчетом с той минуты, как они вышли замуж.

Сэр Питер Тизл. Отлично, сударыня, отлично! Так, значит, муж лишен всякого влияния, всякой власти?

Леди Тизл. Власти? Еще бы! Если вы хотели власти надо мной, вам надо было везти меня в прием-

ные дочери, а не в жены; уверяю вас, вы для этого достаточно стары.

Сэр Питер Тизл. Достаточно стар? Вот оно что... Как бы то ни было, леди Тизл, если вам и удается отравлять мне жизнь вашим характером, я не потерплю, чтобы вы меня разоряли вашей расточительностью.

Леди Тизл. Моей расточительностью? Смею вас уверить, что я не расточительнее, чем это подобает светской женщине.

Сэр Питер Тизл. Нет, нет, сударыня, вы больше не будете выбрасывать деньги на всю эту бессмыслицу роскошь! Чорта с два! Тратить зимой на цветы для будуара такие суммы, что на них можно было бы превратить Пантеон в оранжерею или устроить летний бал на святах!

Леди Тизл. Чем же я виновата, сэр Питер, что цветы дороги, когда холодно? Пеняйте на климат, а не на меня. Поверьте, я была бы непрочь, чтобы весна длилась круглый год и чтобы под ногами у нас распускались розы.

Сэр Питер Тизл. Тысяча чертей, сударыня! Будь вы к этому рождены, я бы не удивлялся, что вы так рассуждаете; но вы забываете, каково было ваше положение, когда я на вас женился.

Леди Тизл. О нет, я не забываю. Это было неприятное положение, иначе я никогда бы не вышла за вас.

Сэр Питер Тизл. Да, да, сударыня, тогда у вас был более скромный ранг: дочь мелкого помещика. Вспомните, леди Тизл, как я вас увидел впервые, когда вы сидели за пяльцами, в прелестном вышитом холщевом платьице, со связкой ключей у пояса; у вас были гладко зачесанные волосы, а по стенам комнаты висели шерстяные плоды вашей собственной работы.

Леди Тизл. О да! Я это помню очень хорошо, и какую забавную жизнь я тогда вела. Мой день уходил на то, чтобы инспектировать коровник, ревизовать птичий двор, вести домашнюю приходо-расходную книгу и чесать собачку тетушки Деборы.

Сэр Питер Тизл. Да, да, сударыня, все это так и было.

Леди Тизл. А мои вечерние развлечения! Рисовать узоры для кружевных рукавчиков, которые мне не из чего было вязать; играть в свои козыри с нашим священником; читать моей тетушке книгу проповедей; или торчать за старым спинетом, чтобы наиграть сон моему отцу после лисьей травли.

Сэр Питер Тизл. Я радуюсь вашей хорошей памяти. Да, сударыня, таковы были увеселения, которых я вас лишил. А теперь вам требуется карета *vis-à-vis* и три пудреных лакея впереди носилок, а летом пара каких-то белых котят, чтобы ездить на них в Кенсингтонский парк. Вы, надо полагать, не вспоминаете, с каким, бывало, удовольствием катались верхом на крупе кургурой упряжной лошади, позади дворецкого.

Леди Тизл. Нет, клянусь, этого никогда не было! И дворецкого и упряженную лошадь я отрицаю.

Сэр Питер Тизл. Таково, сударыня, было ваше положение. А что дал вам я? Я сделал вас светской женщиной, богатой, знатной,— словом, я сделал вас моей женой.

Леди Тизл. Совершенно верно. И чтобы я могла быть вам окончательно благодарной, мне остается только сделаться...

Сэр Питер Тизл. Моей вдовой, хотите вы сказать?

Леди Тизл. Хм, хм!

Сэр Питер Тизл. Благодарю вас, сударыня. Но не обольщайтесь: вы можете отравить мне жизнь, но в гроб вы меня не уложите, ручаюсь вам. Во всяком случае я вам премного обязан за ваш намек.

Леди Тизл. Но вы же сами упорно стараетесь делать мне неприятности и стесняете меня в моих малейших тратах на что-нибудь изящное.

Сэр Питер Тизл. Чорт побери, сударыня, а на что изящное вы изволили тратиться, когда выходили за меня замуж?

Леди Тизл. Но боже мой, сэр Питер, или вы хотите, чтобы я отставала от моды?

Сэр Питер Тизл. От моды? Благодарю покорно! Очень вы следили за модой, пока жили в девицах!

Леди Тизл. Мне казалось бы, вам должно быть приятно, чтобы вашу жену считали женщиной со вкусом.

Сэр Питер Тизл. Да, действительно, со вкусом! А много у вас было вкуса, когда вы за меня выходили!

Леди Тизл. Едва ли, сэр Питер, это совершенно верно; а выйдя за вас, я потеряла всякое право притязать на вкус,— с этим я согласна. А теперь, сэр Питер, если на сегодняшний день наша перебранка кончена, мне кажется, я могу ехать к леди Снируэл, где меня ждут.

Сэр Питер Тизл. Да, еще и это драгоценное обстоятельство — прелестный круг знакомых, которых вы там завели.

Леди Тизл. Нет, сэр Питер, все это люди богатые и с положением, и очень дорожащие своей репутацией.

Сэр Питер Тизл. Да, вот уж именно, дорожат они ею не на шутку: попробуйте отозваться хорошо о ком-нибудь другом! Милая компания! Иной бедняга, которого вздернули на виселицу, за всю жизнь не сделал столько зла, сколько эти разносчики лжи, мастера клеветы и губители добрых имен.

Леди Тизл. Как? Вы желали бы ограничить свободу слова?

Сэр Питер Тизл. О, вы стали такой же скверной, как и все они!

Леди Тизл. Я считаю, что я исполняю свою роль достаточно мило. Но поверьте, когда я высмеиваю людей, у меня нет к ним злобы. Если я говорю что-нибудь обидное, то только потому, что мне весело; и я

уверена, что они платят мне тем же. Однако, сэр Питер, вы помните, что вы тоже обещали быть у леди Снируэл?

Сэр Питер Тизл. Да, да, я приду, чтобы оберечь мое доброе имя.

Леди Тизл. Тогда поторопитесь, а то поздно будет. Итак, до свидания. (Уходит.)

Сэр Питер Тизл. Ну вот, многое я достиг моими попреками! Но с каким очаровательным видом она противоречит всякому моему слову, и как она мила в своем презрении к моему авторитету! Ну, что ж, хоть я и не могу заставить ее полюбить меня, а все-таки в ссорах с ней я нахожу большое утешение: никогда она не бывает так прелестна, как в те минуты, когда старается во что бы то ни стало меня извести. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ II

У ЛЕДИ СНИРУЭЛ

Входят леди Снируэл, миссис Кэндэр, Крэбтри, сэр Бенджемин Бэкбайт и Джозеф
Сэрфес.

Леди Снируэл. Нет, мы непременно хотим услышать,

Джозеф Сэрфес. Да, да, эпиграмму, пожалуйста.

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Ах, дядюшка, не стоит! Ведь это такой пустяк.

Крэбтри. Нет, нет. Честное слово, это очень недурно для экспромта!

Сэр Бенджемин Бэкбайт. В таком случае, сударыни, позвольте вас ознакомить с обстановкой. Да будет вам известно, что на той неделе леди Бэтти Кэррика, глотая пыль Гайд-парка в игрушечном фаэтончике, пожелала, чтобы я написал стихи в честь ее пони, в ответ на что я вынул мою записную книжку и в одно мгновение сочинил следующее:

Ничьи еще пони меня так не трогали:

Другие — как хамы, а эти — как щеголи.

Никто не оспорит моей правоты:

Так тонки их ноги и длинны хвосты.

Крэбтри. Вот, сударыни. И это сделано в единый взмах хлыста, и к тому же верхом.

Джозеф Сэрфес. Поистине Аполлон на коне, — честное слово, сэр Бенджемин.

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Ах, что вы, сэр! Такая безделица.

Входят леди Тизл и Мэрэйя.

Миссис Кэндэр. Я должна получить список.

Леди Снируэл. Леди Тизл, я надеюсь, мы увидим сэра Питера?

Леди Тизл. Он обещал не замедлить явиться, леди Снируэл.

Леди Снигуэл. Мэрайя, дорогая моя, у вас грустный вид. Пойдемте, я посажу вас сыграть в пикет с мистером Сэрфесом.

Мэрайя. Я не очень-то люблю карты, но, впрочем, как вам угодно.

Леди Тизл (*в сторону*). Неужели мистер Сэрфес сядет с ней играть? Я думала, он воспользуется случаем поговорить со мной, пока сэра Питера еще нет.

Миссис Кэндэр. Нет, я не могу! Вы все такие злые, что лучше с вами не зваться.

Леди Тизл. А что такое, миссис Кэндэр?

Миссис Кэндэр. Нашей приятельнице мисс Вермиллон отказывают в праве считаться красивой.

Леди Снигуэл. О, конечно, она хорошенькая.

Крабтри. Я очень рад, что вы такого мнения, сударыня.

Миссис Кэндэр. У нее прелестный свежий цвет лица.

Леди Тизл. Да, когда он свеженаведен.

Миссис Кэндэр. Ах, что вы! Клянусь вам, что это у нее естественный румянец. Я сама видела, как он появлялся и исчезал.

Леди Тизл. Я охотно верю, что вы могли это видеть: он исчезает на ночь и снова появляется утром.

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Да, сударыня, и он не только появляется и исчезает, но больше того: его приносит и уносит горничная.

Миссис Кэндэр. *Ха-ха-ха!* Как я ненавижу, когда вы так говорите! Но уж сестра ее во всяком случае очень красива или была когда-то.

Крэбтри. Кто это? Миссис Эвергрин? О господи! Да ведь ей пятьдесят шесть лет.

Миссис Кэндэр. Вы на нее клевещете: пятьдесят два, пятьдесят три в крайнем случае; да и по внешности ей не больше.

Сэр Бенджемин Бэктайт. Да разве можно судить о ней по внешности, когда нет возможности увидеть ее лицо?

Леди Снируэл. Ах, если миссис Эвергрин и старается до некоторой степени скрыть следы времени, то согласитесь, что она делает это с большим искусством; и во всяком случае это много лучше, чем та небрежность, с которой вдова Окр штукатурит свои морщины.

Сэр Бенджемин Бэктайт. Леди Снируэл, вы несправедливы к бедной вдове. Дело не в том, что она плохо владеет кистью, а в том, что, закончив свое лицо, она так неумело соединяет его с шеей, что напоминает реставрированную статую, где знаток сразу видит, что голова современная, а туловище античное.

Крэбтри. *Ха-ха-ха!* Хорошо сказано, племянник!

Миссис Кэндэр. *Ха-ха-ха!* Вы меня смешите, но я, ей-богу, ненавижу вас за это. А что вы скажете о мисс Симпер?

Сэр Бенджемин Бэктайт. Скажу, что у нее прелестные зубы.

Леди Тизл. Да, и поэтому, если она не говорит и не смеется (а такие случаи очень редки), она никогда не закрывает рта, а всегда держит его приоткрытым,— вот так. (Показывает свои зубы.)

Миссис Кэндэр. Ну, можно ли быть такой злой?

Леди Тизл. Но я согласна, что это все-таки лучше, чем то, как миссис Прим пытается скрыть потерю своих передних зубов. Она стягивает губы, так что рот у нее становится похож на копилку, и все ее слова выскакзывают как бы сплющенным, — вот так: «Как вы поживаете, сударыня? Очень хорошо, сударыня.»

Леди Снируэл. Превосходно, леди Тизл. Я вижу, что и вы умеете быть колкой.

Леди Тизл. Когда защищаешь друзей, это простиительно. Но вот и сэр Питер пришел испортить нам настроение.

Входит сэр Питер Тизл.

Сэр Питер Тизл. Сударыни, мое почтение.
(В сторону.) Боже милостивый! Вся компания в сборе!
Что ни слово, то человек загублен, я уж чувствую!

Миссис Кэндэр. Я рада, что вы пришли, сэр Питер. Тут все были до того безжалостны, и леди Тизл не лучше остальных.

Сэр Питер Тизл. Я уверен, это должно вас очень расстраивать, миссис Кэндэр.

Миссис Кэндэр. Ах, они ни за кем не при-

знают никаких достоинств; даже миссис Пэрси, нашего друга, они не находят доброй.

Леди Тизл. Толстую вдову, которая была на вечере у миссис Кэдрил?

Миссис Кэндэр. Ах, ее полнота — это ее несчастье! И она прилагает такие старания, чтобы от нее избавиться, что грешно над ней смеяться.

Леди Снируэл. Вот именно.

Леди Тизл. Да, я слышала, она питается одними кислотами и сывороткой; шнуруется при помощи канатного ворота; и нередко, в самый жаркий летний полдень, вы можете увидеть, как она, с косицей на затылке, вылитый барабанщик, верхом на приземистом пони, мчится крупной рысью по скаковой дорожке, пыхтя изо всех сил.

Миссис Кэндэр. Я вам очень признательна, леди Тизл, за ее защиту.

Сэр Питер Тизл. Хороша защита, нечего сказать!

Миссис Кэндэр. Ах, леди Тизл так же ко всем строга, как мисс Саллоу.

Крабтри. Курьезная особа эта мисс Саллоу с ее претензиями всех судить,— неуклюжая разиня, ни к чему на свете непригодная.

Миссис Кэндэр. Право же, вам не следует быть таким суровым. Мисс Саллоу — близкая мне родственница по мужу, а что касается ее лично, то она заслуживает всяческого снисхождения: потому что, смею вас

уверить, нелегко приходится женщине, которая хочет казаться девочкой в тридцать шесть лет.

Леди Снигуэл. Хотя, спору нет, она все еще красива. А что у нее воспаленные глаза, так в этом нет ничего удивительного, когда она вечно читает при свечах.

Миссис Кэндэр. Это верно. Или ее манеры: я, честное слово, нахожу их замечательно изящными, тем более, что она не получила никакого воспитания. Вы же знаете, ее мать была простой модисткой где-то в Уэльсе, а отец варил в Бристоле сахар.

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Ах, обе вы слишком снисходительны!

Сэр Питер Тизл (*в сторону*). Недурная снисходительность! Про свою же родственницу! Боже милостивый!

Миссис Кэндэр. Я, знаете, не могу спокойно слышать, когда говорят плохое про моих друзей.

Сэр Питер Тизл. Ну, еще бы!

Сэр Бенджемин Бэкбайт. О, у вас возвышенная душа! Мы с миссис Кэндэр можем часами слушать, когда леди Стукко рассуждает на нравственные темы.

Леди Тизл. На мой взгляд, леди Стукко может служить отличным десертом после обеда: она удивительно напоминает французский марципан с сюрпризами,— снаружи раскрашено, а внутри изречение.

Миссис Кэндэр. Да, я никогда не соглашусь высмеивать моих друзей. Я это всегда говорю моей

кузине Огл, а вы знаете ее притязания на роль судьи в вопросах красоты.

Крэбтри. А у самой при этом внешность, нелепее которой трудно встретить; это какая-то коллекция составных частей, собранных со всего земного шара.

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Так, например, у нее ирландский лоб...

Крэбтри. Шотландские кудри...

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Голландский нос...

Крэбтри. Австрийские губы...

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Кожа испанки...

Крэбтри. И зубы китаянки...

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Словом, ее лицо похоже на табльдот в Спа, где все обедающие принадлежат к разным национальностям...

Крэбтри. Или на мирный конгресс после всеобщей войны, где все участники, даже оба глаза, тянут каждый в свою сторону, и только нос и подбородок подают надежду на сближение.

Миссис Кэндэр. Ха-ха-ха!

Сэр Питер Тизл (в сторону). Боже милосердый! Особа, с которой они обедают по два раза в неделю!

Леди Снируэл. Фи, какие вы оба противные злюки!

Миссис Кэндэр. Нет, я вам не позволю так смеяться, потому что разрешите вам сказать, что миссис Огл...

Сэр Питер Тизл. Простите, сударыня, но языки этих добрых джентльменов все равно ничем не остановить. И все же, миссис Кэндэр, если я вам скажу, что дама, которую они обзывают, близкий мой друг, вы, надеюсь, не станете ее защищать.

Леди Снируэл. **Ха-ха-ха!** Хорошо сказано, сэр Питер! Но вы жестокий человек,—вы слишком флегматичны, чтобы язвить самому, и слишком раздражительны, чтобы терпеть чужое остроумие.

Сэр Питер Тизл. Ах, сударыня, истинное остроумие всегда сродни добродушию. Они ближе, чем это вам кажется.

Леди Тизл. Вы правы, сэр Питер. По-моему, они в таком близком родстве, что никогда не могут соединиться.

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Не лучше ли предположить, сударыня, что это муж и жена: их редко видишь вместе.

Леди Тизл. Сэр Питер такой враг злословия, что готов был бы его запретить парламентским актом.

Сэр Питер Тизл. Что ж, сударыня, если бы парламент признал, что игра чужой репутацией не менее предосудительна, чем потрава чужого луга, и принял закон о защите доброго имени, я уверен, что многие были бы ему благодарны за такой билль.

Леди Снируэл. О боже мой! Сэр Питер! Вы хотите нас лишить наших привилегий?

Сэр Питер Тизл. Да, сударыня; и тогда никто

не имел бы права убивать честь и толить репутации, кроме присяжных старых дев и разочарованных вдов.

Леди Снируэл. Вы просто изверг!

Миссис Кэндэр. Но, я надеюсь, вы не были бы так суровы к тем, кто только передает то, что слышал?

Сэр Питер Тизл. Я бы и к ним применил коммерческий закон; и во всех тех случаях, когда по рукам ходит клевета и пустивший ее в оборот не разыскан, пострадавший получал бы право взыскания с любого передатчика.

Крэбтри. Я, во всяком случае, убежден, что не бывает сплетен, ни на чем не основанных.

Сэр Питер Тизл. Ах, девять десятых злостных выдумок основаны на каком-нибудь комическом преувеличении.

Леди Снируэл. Mesdames, не перейти ли нам в соседнюю комнату за карточный стол?

Входит слуга и говорит на ухо Питеру.

Сэр Питер Тизл. Я сейчас к ним приду.
(В сторону.) Скроюсь потихоньку.

Леди Снируэл. Сэр Питер, вы же не собираетесь нас покинуть?

Сэр Питер Тизл. Пусть ваша милость меня извинит: меня вызывают по неотложному делу. Но здесь остается моя репутация. (Уходит.)

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Надо сознаться, леди Тизл, что ваш супруг и повелитель презабавное

существо. Если бы он не был вашим мужем, я бы вам рассказал про него такие вещи, что вы посмеялись бы от души.

Леди Тизл. О, вы этим не стесняйтесь! Расскажите, что вы знаете. (Уходит к остальным в соседнюю комнату.)

Джозеф Сэрфес. Мэрайя, я вижу, вам тягостно это общество.

Мэрайя. Еще бы не тягостно! Если высмеивать немощи или несчаствия людей, которые нас ничем не обидели, значит быть остроумным или веселым, то да пошлет мне небо двойную долю скудоумия!

Джозеф Сэрфес. В сущности, это не такие уж дурные люди, как может показаться,— злобы в душе у них нет.

Мэрайя. Тем недостойнее их поведение; единственное, что, по-моему, могло бы извинить необузданность их языков, это врожденная и неудержимая озлобленность ума.

Джозеф Сэрфес. Несомненно, сударыня. И я всегда считал, что говорить про других злую правду ради простой забавы гораздо предосудительнее, чем искажать истину из чувства злобы. Но почему, Мэрайя, вы так добры к другим и только со мной суровы? Нужели самой нежной страсти должно быть отказано в надежде?

Мэрайя. Зачем вы снова меня мучите такими разговорами?

Джозеф Сэрфес. Ах, Мэрайя, я знаю, вы не обращались бы так со мной и не противились бы воле вашего опекуна, сэра Питера, если бы этот беспутный Чарлз не был попрежнему моим счастливым соперником.

Мэрайя. Неблагородный выпад! Но каковы бы ни были мои чувства к этому несчастному молодому человеку, знайте, что если его невзгоды ожесточили против него даже родного брата, то для меня это еще не основание отвернуться от него.

Джозеф Сэрфес. Нет, послушайте, Мэрайя, не уходите от меня с таким гневным лицом! Всем, что есть благородного, клянусь вам... (В сторону.) Ах, чорт! Леди Тизл!.. Вы не должны... нет, вы не смеете... конечно, я питаю к леди Тизл глубочайшее уважение...

Мэрайя. К леди Тизл!..

Джозеф Сэрфес. Но если сэр Питер заподозрит...

Входит леди Тизл и приближается к нему.

Леди Тизл. Что это значит, скажите пожалуйста? Вы приняли ее за меня? Дитя мое, вас просят в ту комнату.

Мэрайя уходит.

Что все это значит, позвольте вас спросить?

Джозеф Сэрфес. Ах, досаднейший случай на земле! Мэрайя отчасти угадала мою нежную заботу

о вашем счастье и пригрозила, что скажет сэру Питеру о своих подозрениях, и я как раз пытался разуверить ее, когда вы вошли.

Леди Тизл. В самом деле? Какой, однако, нежный способ разуверять! Или вы всегда становитесь на колени, когда хотите быть убедительным?

Джозеф Сэрфес. Ах, ведь она еще совсем ребенок, и я считал, что немного пафоса... Но, леди Тизл, когда же вы, наконец, придете взглянуть на мою библиотеку, как вы обещали?

Леди Тизл. Нет, нет; я начинаю думать, что это было бы неосторожно, и вы же знаете, я допускаю ваше ухаживание не больше, чем это дозволено модой.

Джозеф Сэрфес. О, разумеется... вполне платоническое обожание... на которое имеет право всякая замужняя женщина.

Леди Тизл. Конечно, ни в чем не следует отступать от моды. Но во мне сидит еще столько провинциальных предрассудков, что, как бы меня ни раздражало брюзжание сэра Питера, я никогда не решусь на...

Джозеф Сэрфес. Единственную месть, которая в вашей власти. Ну, что же, я хвалю вашу сдержанность.

Леди Тизл. Лукавый змей, вот вы кто! Однако нас могут хватиться. Идемте к остальным.

Джозеф Сэрфес. Но лучше нам войти не вместе.

Леди Тизл. Хорошо, только не задерживайтесь. Все равно, Мэрайя не вернется дослушивать ваши разговорения, можете быть покойны. (Уходит.)

Джозеф Сэрфес. Однако я с моей политикой попал в прекурьезное положение! Сватаясь к Мэрайе, мне было важно заручиться поддержкой леди Тизл; я старался войти к ней в доверие и понемногу, сам не знаю как, оказался не на шутку ее поклонником. Я начинаю искренне жалеть, что так усердно добивался безупречной репутации; я так дьявольски с ней запутался, что боюсь, как бы мне в конце концов не сплюховать. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ III

У СЭРА ПИТЕРА ТИЗЛ

Входят Раули и сэр Оливер Сэрфес.

Сэр Оливер Сэрфес. Ха-ха-ха! Так мой старый друг женился, говорите вы? На молодой особе из провинции? Ха-ха-ха! Так долго продержаться старым холостяком и все-таки напоследок скатиться в мужья!

Раули. Но только вы насчет этого над ним не труните, сэр Оливер. Это у него чувствительное место, смею вас уверить, хоть он и женат-то всего только седьмой месяц.

Сэр Оливер Сэрфес. Значит, вот уже полгода, как он на покаянии! Бедный Питер! — Но вы говорите, он окончательно порвал с Чарлзом, никогда с ним не видится, так, что ли?

Раули. Просто удивительно, до чего он против него настроен, и я уверен, что здесь много значит и ревность из-за леди Тизл, а ревность эту в нем всячески разжигает компания соседей-сплетников, которая немало поработала над тем, чтобы Чарлза очернить. А на самом деле, по-моему, если его супруга к кому и неравнодушна, так не к Чарлзу, а к его брату.

Сэр Оливер Сэрфес. Да, я знаю, есть такие зловредные болтуны, тихонькие кумушки обоего пола, которые, чтобы убить время, умерщвляют чужие репутации; им ничего не стоит отнять у молодого мальчика его доброе имя, пока он сам еще не научился им дорожить. Но если они думают восстановить меня против моего племянника, это им не удастся, будьте покойны. Нет, нет, если Чарлз неповинен ни в чем бесчестном или низком, я приду ему на помощь.

Раули. И он исправится, клянусь вам. Ах, сэр, я прямо оживаю, видя, что ваше сердце не замкнулось для него и что у сына моего доброго хозяина есть еще друг на свете!

Сэр Оливер Сэрфес. Мне ли забыть, любезный Раули, каков я был сам в его годы? Видит бог, ни я, ни мой брат не очень-то благоразумные были юноши, а ведь редко, я думаю, встречали вы таких хороших людей, как покойный ваш хозяин.

Раули. Вот потому-то, сэр, я и уверен, что Чарлз еще поддержит добрую славу своей семьи. Но вот и сэр Питер идет.

Сэр Оливер Сэрфес. И в самом деле. Боже милостивый, как он изменился! И вид у него не на шутку женатый! Уже отсюда на лице у него можно прочесть: «супруг».

Входит сэр Питер Тизл.

Сэр Питер Тизл. А! Сэр Оливер, старый друг! Добро пожаловать в Англию, добро пожаловать!

Сэр Оливер Сэрфес. Благодарю вас, благодарю, сэр Питер! Честное слово, я рад вас видеть в добром здоровье, ей-же-ей.

Сэр Питер Тизл. Да, давненько мы не виделись, сэр Оливер, пятнадцать лет, если не ошибаюсь, и чего только не было за эти годы!

Сэр Оливер Сэрфес. Что ж, и на мою долю перепало. Но что я слышу? Вы, говорят, женились? Что делать, теперь уж не поможешь, а потому — желаю вам счастья от всей души.

Сэр Питер Тизл. Благодарю вас, сэр Оливер, благодарю вас. Да, случилось такое... счастливое событие. Но сейчас не будем говорить об этом.

Сэр Оливер Сэрфес. Правильно, правильно, сэр Питер. Нельзя, чтобы старые друзья, встретясь после разлуки, начинали с жалоб — нет, нет.

Раули. Осторожнее, сэр, умоляю вас.

Сэр Оливер Сэрфес. Так, стало быть, один из моих племянников — беспутный малый?

Сэр Питер Тизл. Беспутный? Ах, мой старый

друг, мне горько думать, какое вас ждет разочарование. Это погибший юноша, совсем погибший. Но зато вас порадует его брат. Джозеф, тот, действительно, примерный молодой человек. Его хвалят все без исключения.

Сэр Оливер Сэрфес. Мне грустно это слышать: слишком у него хорошая репутация для честного человека. Все его хвалят? Это значит, что жуликам и дуракам он кланялся так же низко, как честному достоинству гения и добродетели.

Сэр Питер Тизл. Как, сэр Оливер? Вы осуждаете его за то, что он не нажил врагов?

Сэр Оливер Сэрфес. Да, осуждаю, если он достоин их иметь.

Сэр Питер Тизл. Погодите, вы сами убедитесь, когда его узнаете. Поучительно слушать, как он говорит; он высказывает благороднейшие мысли.

Сэр Оливер Сэрфес. Чорта мне, что он высказывает! Если он вздумает меня приветствовать с недожеванной моралью за щекой, меня тут же стошнит. Но только, сэр Питер, не поймите меня неверно. Я во все не намерен защищать ошибки Чарлза. Но, прежде чем составить себе мнение о том и о другом, я хочу испытать их сердца. И мой друг Раули и я кое-что задумали для этого.

Раули. И на этот раз сэр Питер признает, что был неправ.

Сэр Питер Тизл. О, за Джозефа я ручаюсь головой.

Сэр Оливер Сэрфес. А теперь поставьте нам бутылку доброго вина, мы выпьем за обоих молодых людей и изложим вам наш замысел.

Сэр Питер Тизл. Идет!

Сэр Оливер Сэрфес. И не будьте, сэр Питер, так суровы к сыну вашего старого друга. Даю вам честное слово, меня не огорчает, что он чуточку выскочил из колеи. Я терпеть не могу, когда благоразумие начинает глушить зеленые побеги юности; оно — как плющ на молодых ветвях и мешает росту дерева.

Уходят.

Действие третье

ЯВЛЕНИЕ I

У СЭРА ПИТЕРА ТИЭЛ

*Входят сэр Питер Тизл, сэр Оливер
Сэрфес и Раули.*

Сэр Питер Тизл. Ну, хорошо, сперва поговорим с этим малым, а за вино примемся потом. Так что же вы, собственно, затеваете, любезный Раули? Я не понимаю, в чем тут соль.

Раули. Видите ли, сэр, этот мистер Стенли, о котором я говорил, приходится им близким родственником по матери. Он был коммерсантом в Деблине, но разорился в силу ряда несчастных обстоятельств. Он обратился с письмами к мистеру Сэрфесу и к Чарлзу. От первого он ничего не получил, кроме уклончивых обещаний помочь ему в будущем, тогда как Чарлз, хоть и сам разоренный, сделал для него все, что было

в его силах. И сейчас он опять старается занять где-нибудь денег, часть которых, я знаю, он, при всей своей нужде, назначает для бедного Стенли.

Сэр Оливер Сарфес. О, это сын моего брата!

Сэр Питер Тизл. Хорошо, но как же думает сэр Оливер...

Раули. Видите ли, сэр, я хочу известить Чарлза и его брата, что Стенли получил разрешение обратиться к своим друзьям лично, и так как ни тот, ни другой в лицо его никогда не видели, то пусть сэр Оливер выдаст себя за него, и у нас будет великолепный случай судить хотя бы о степени их доброты. И поверьте мне, сэр, в младшем брате вы найдете человека, который даже среди безумств и мотовства сохранил, как говорит наш бессмертный поэт, «слезу для жалости и руку, открытую, как день, для состраданья».

Сэр Питер Тизл. Что толку в открытой руке или даже кошельке, когда в них ничего не осталось? Ну, что ж, произведите опыт, если вам угодно. Но где же этот человек, которого вы хотели показать сэру Оливеру в связи с делами Чарлза?

Раули. Внизу, и ждет его распоряжений. Он лучше всякого другого может его осведомить. Это, сэр Оливер, почтенный еврей, который, надо отдать ему справедливость, сделал все, что было в его силах, чтобы умерить расточительность вашего племянника.

Сэр Питер Тизл. Так будьте добры его позвать.

Раули (слуга). Попросите мистера Мозеса сюда.

Сэр Питер Тизл. Но почему вы думаете, что он будет говорить вам правду?

Раули. О, я убедил его, что если он может еще надеяться вернуть кое-какие суммы, данные в долг Чарлзу, то только от щедрот сэра Оливера, который, как ему известно, приехал. Так что вы вполне можете положиться на его заботу о собственной выгоде. Есть у меня в руках еще и другое доказательство, некто Спейк, которого я накрыл на занятии, весьма близком к подлогу, и в скором времени я вам его представлю, чтобы устраниТЬ кое-какие ваши предубеждения.

Сэр Питер Тизл. Об этом я слышал достаточно.

Раули. А вот и честный израильтянин.

Входит Мозес.

Это — сэр Оливер.

Сэр Оливер Сэрфес. Сэр, насколько я понимаю, вы последнее время часто имели дело с моим племянником Чарлзом.

Мозес. Да, сэр Оливер, и я сделал для него все, что мог; но он был уже разорен, когда обратился ко мне за содействием.

Сэр Оливер Сэрфес. Это, действительно, досадно. Таким образом, у вас не было возможности показать ваши таланты.

Мозес. Никакой возможности. Я имел удовольствие узнать о его несчастье, когда он уже упал на несколько тысяч ниже нуля.

Сэр Оливер Сэрфес. Очень печально! Но, я полагаю, вы сделали для него все, что было в ваших силах, честный Мозес?

Мозес. Да, и он это знает. Как раз сегодня вечером я должен привести к нему одного джентльмена из Сити, который с ним незнаком и хочет, повидимому, ссудить его известной суммой.

Сэр Питер Тизл. Как? Человек, у которого Чарлз еще ни разу не занимал?

Мозес. Да, мистер Примиэм с улицы Кречт-Фрай-арс, бывший маклер.

Сэр Питер Тизл. Знаете, сэр Оливер, какая мне приходит мысль? Чарлз, вы говорите, незнаком с мистером Примиэном?

Мозес. Незнаком.

Сэр Питер Тизл. Так вот, сэр Оливер, вам представляется еще лучшая возможность достигнуть своего, чем при помощи старой чувствительной сказки о бедном родственнике. Отправляйтесь с моим другом Мозесом и выдайте себя за Примиэма, и тогда, я вам ручаюсь, вы увидите вашего племянника во всей его славе.

Сэр Оливер Сэрфес. Ей-богу, эта мысль мне больше нравится, чем прежняя. А потом я могу посетить Джозефа под видом старого Стенли.

Сэр Питер Тизл. Очень хорошо.

Раули. Правда, это поставит Чарлза в менее выгодные условия. Но как бы то ни было, Мозес, вы ~~забыли~~ няли сэра Питера и плутовать не станете?

Мозес. Можете на меня положиться. Но скоро уж время, когда я обещал там быть.

Сэр Оливер Сэрфес. Я могу отправиться хоть сейчас, Мозес. Но постойте! Вот что я упустил: каким же это я образом сойду за сврэя?

Мозес. Этого и не требуется. Кредитор — христианин.

Сэр Оливер Сэрфес. Вот как? Очень грустно слышать это. И еще одно: не слишком ли я хорошо одет, чтобы изображать ростовщика?

Сэр Питер Тизл. Нисколько. Вы даже вполне могли бы приехать в собственной карете. Верно, Мозес?

Мозес. Вполне могли бы.

Сэр Оливер Сэрфес. Хорошо, а как я должен говорить? Ведь есть же, наверно, какой-то ростовщический жаргон, какая-то манера вести беседу, которые надо знать.

Сэр Питер Тизл. О, здесь особых знаний не требуется. Главное, насколько я понимаю, это чтобы ваши условия были достаточно чудовищны, — так ведь, Мозес?

Мозес. Да, это главное, конечно.

Сэр Оливер Сэрфес. За этим дело не станет. Я с него потребую восемь, а то и десять процентов, не меньше.

Мозес. Потребовать такой маленький процент — это значит сразу себя выдать.

Сэр Оливер Сэрфес. Вот как? Сколько же тогда, чорт побери?

Мозес. Это зависит от обстоятельств. Если вы

увидите, что он не слишком нуждается в ссуде, вам следует спросить процентов сорок-пятьдесят. Но если окажется, что положение его действительно бедственное и деньги нужны ему дозарезу, вы можете потребовать сто на сто.

Сэр Питер Тизл. Хорошему ремеслу вы учитесь, сэр Оливер!

Сэр Оливер Сэрфес. Да, действительно,— и небесполезному.

Мозес. При этом, заметьте, у вас лично денег этих нет, и вам придется занять их для него у старого приятеля.

Сэр Оливер Сэрфес. Ага, я занимаю их у приятеля?

Мозес. Причем ваш приятель — бессовестный пес; но с ним ничего не поделаешь.

Сэр Оливер Сэрфес. Мой приятель — бессовестный пес?

Мозес. Да, причем денег у него тоже нет, и он вынужден с большим убытком продать бумаги.

Сэр Оливер Сэрфес. Он вынужден с большим убытком продать бумаги? Это очень мило с его стороны.

Сэр Питер Тизл. Честное слово, сэр Оливер... мистер Примиэм, я хотел сказать... вы скоро станете виртуозом в этой области. Но скажите, Мозес, не следует ли ему слегка обрушиться на закон о процентах? Это было бы ему к лицу, мне кажется.

Мозес. Очень даже.

Раули. И посетовать, что теперь молодому человеческому, пока он не вступил в разумный возраст, не позволяют разоряться?

Мозес. Да, это очень жаль.

Сэр Питер Тизл. И осудить общество за то, что оно одобряет закон, единственная цель которого — это вырвать несчастных и неосторожных из хищных лап ростовщичества и дать несовершеннолетним возможность наследовать оставленное им имущество без того, чтобы ввод во владение их разорял.

Сэр Оливер Сэрфес. Вот, вот. Мозес даст мне дальнейшие инструкции по пути.

Сэр Питер Тизл. Времени у вас не так много: ваш племянник живет неподалеку.

Сэр Оливер Сэрфес. Не беспокойтесь: у меня такой талантливый учитель, что, хотя бы Чарлз жил в соседней улице, будет всецело моя вина, если я не стану отпетым жуликом, прежде чем заверну за угол.

Сэр Оливер Сэрфес и Мозес уходят.

Сэр Питер Тизл. Ну вот! Теперь, я думаю, сэр Оливер убедится сам: вы, Раули, пристрастны и, чего доброго, открыли Чарлзу первоначальную вашу затею.

Раули. Нет, даю вам слово, сэр Питер.

Сэр Питер Тизл. Хорошо, приведите мне этого Снейка. Послушаю, какие у него новости. А вот и Мэрайя. Мне нужно с ней поговорить.

Раули уходит.

Я был бы рад удостовериться, что мои подозрения насчет леди Тизл и Чарлза необоснованы. Я еще ни разу не говорил об этом с моим другом Джозефом, и я решил это сделать. Свое мнение он мне выскажет откровенно.

Входит Мэрайя.

Ну, как, дитя мое? Мистер Сэрфес проводил вас?

Мэрайя. Нет, сэр, ему пришлось остаться.

Сэр Питер Тизл. Скажите, Мэрайя, разве вам не становится все яснее, чем больше вы общаетесь с этим любезным молодым человеком, какого рода взаимности заслуживает его привязанность к вам?

Мэрайя. Право же, сэр Питер, ваши постоянные разговоры на эту тему расстраивают меня до последней степени. Вы принуждаете меня заявить вам, что нет человека, хоть сколько-нибудь ко мне расположенного, которого бы я не предпочла мистеру Сэрфесу.

Сэр Питер Тизл. Это просто какая-то испорченность!.. Нет, нет, Мэрайя, вы предпочли бы одного только Чарлза. Ясно, что его пороки и беспутство покорили ваше сердце.

Мэрайя. Нехорошо так говорить, сэр. Вы же знаете, что я послушалась вас и с ним не вижусь и не переписываюсь; и я достаточно наслышалась о нем, чтобы убедиться, что он недостоин моего чувства. Но если мой разум сурово осуждает его пороки, мое сердце

Все же подсказывает мне сострадание к его несчастьям, и винить себя за это я не могу.

Сэр Питер Тизл. Отлично, сострадайте ему, сколько угодно; но сердце и руку отдайте более достойному, чем он.

Мэрайя. Но только не его брату!

Сэр Питер Тизл. Испорченная, упрямая, вот кто вы! Но берегитесь, сударыня: вы еще не знаете, что значит власть опекуна. Смотрите, не заставьте меня познакомить вас с ней!

Мэрайя. Я могу только сказать, что это будет несправедливо. Правда, волею моего отца я еще некоторое время обязана смотреть на вас, как на его заместителя; но я перестану вас им считать, если вы захотите принудить меня быть несчастной. (Уходит.)

Сэр Питер Тизл. Был ли на свете человек, которому бы так перечили, как мне! Все сговорились меня мучить! Я еще и двух недель не был женат, как ее отец, здоровый и крепкий человек, умер, и, я думаю, нарочно, ради удовольствия свалить на меня заботу о его дочери. Но вот идет и моя супруга! Она как будто в превосходнейшем расположении духа. Как бы я был счастлив, если бы я мог вдолбить ей хоть чуточку любви ко мне!

Входит леди Тизл.

Леди Тизл. Послушайте, сэр Питер, я надеюсь, вы тут не ссорились с Мэрайей? Было бы очень не-

внимательно с вашей стороны впадать в дурное настроение, когда меня при этом нет.

Сэр Питер Тизл. Ах, леди Тизл, от вас одной зависит, чтобы я был в хорошем настроении в любое время.

Леди Тизл. Я была бы рада, чтобы это зависело от меня, потому что как раз в эту минуту мне хочется видеть вас милым и очаровательным. Так будьте же сейчас в хорошем настроении и дайте мне двести фунтов. Хорошо?

Сэр Питер Тизл. Двести фунтов? А нельзя мне быть в хорошем настроении бесплатно? Но только говорите со мною всегда вот так, и, честное слово, я вам ни в чем не откажу. Вы их получите. Но приложите печать к расписке.

Леди Тизл. Нет, нет, достаточно будет приложить руку,— вот. (Дает ему поцеловать руку.)

Сэр Питер Тизл. И скоро вы перестанете меня попрекать, что я не даю вам независимого положения. Я вам готовлю один сюрприз. Но мы всегда будем жить вот так вот, правда?

Леди Тизл. Если вам угодно. Мне все равно, когда перестать с вами ссориться, лишь бы вы сознались первый, что вы устали.

Сэр Питер Тизл. И давайте отныне, если уж спорить друг с другом, то спорить во взаимной любезности.

Леди Тизл. Уверяю вас, сэр Питер, вам очень

к лицу хорошее настроение. Сейчас вы совсем такой, как были до нашей свадьбы, когда вы гуляли со мной под вязами, и рассказывали, какой вы были в молодости повеса, и похлопывали меня по подбородку, да, да; и спрашивали, была ли бы я способна полюбить старика, который мне ни в чем не стал бы отказывать... Ведь так это было?

Сэр Питер Тизл. Да, да, и вы были такая милая и внимательная...

Леди Тизл. Да, и всегда заступалась за вас, когда мои знакомые говорили о вас дурно и подымали вас насмех.

Сэр Питер. Вот как?

Леди Тизл. Да, и когда моя кузина Софи называла вас сварливым, черствым старым холостяком и смеялась, что я собираюсь выйти за человека, который годится мне в отцы, я всегда защищала вас, и говорила, что, по-моему, вы вовсе не такой уж противный, и уверяла, что из вас получится отличнейший муж.

Сэр Питер Тизл. И вы были правы в своем пророчестве; и мы теперь будем счастливейшими супружами...

Леди Тизл. И никогда больше не будем ссориться?

Сэр Питер Тизл. Никогда! Хотя при этом, дорогая моя леди Тизл, вам следует очень серьезно следить за собой, потому что во всех наших маленьких стычках, дорогая моя, если вы помните, любовь моя, вы всегда начинали первая.

Леди Тизл. Вы меня извините, дорогой мой сэр Питер, это вы всегда были зачинщиком.

Сэр Питер Тизл. Смотрите, ангел мой, будьте осторожны: противоречить — это плохой способ оставаться друзьями.

Леди Тизл. Так зачем вы начинаете, любовь моя?

Сэр Питер Тизл. Ага, вот! Вы опять свое! Вы не чувствуете, жизнь моя, что делаете сейчас именно то самое, что, как вам известно, всякий раз выводит меня из себя.

Леди Тизл. Ну, знаете, если вам угодно выходить из себя без всяких к тому оснований, дорогой мой...

Сэр Питер Тизл. Ну вот! Вы опять затеваете ссору.

Леди Тизл. Нет, не затеваю. Но если вы такой сварливый...

Сэр Питер Тизл. Вот видите? Кто начинает первый?

Леди Тизл. Начинаете вы, и никто другой. Я ничего не сказала, но нет никаких сил выносить вашу вспыльчивость.

Сэр Питер Тизл. Нет, нет, сударыня, виновата ваша собственная вспыльчивость.

Леди Тизл. Я вам скажу, что вы как раз то самое, чем вас считала моя кузина Софи.

Сэр Питер Тизл. Ваша кузина Софи — дерзкая, нахальная замарашка.

Леди Тизл. А вы — толстый медведь, раз вы позволяете себе оскорблять моих родственников.

Сэр Питер Тизл. Пусть все терзания брака обрушатся на меня вдвойне, если я еще хоть раз сделаю попытку жить с вами дружно!

Леди Тизл. Что ж, тем лучше.

Сэр Питер Тизл. Нет, нет, сударыня, для меня очевидно, что вы меня никогда ни в грош не ставили и что с моей стороны было сумасшествием жениться на вас, наглой деревенской кокетке, отказавшей половине почтенных дворян по соседству.

Леди Тизл. А я говорю, что с моей стороны было безумием выйти за вас, старого волокиту, который так и остался бобылем в пятьдесят лет, потому что не мог найти ни одной, которая захотела бы его взять.

Сэр Питер Тизл. Вот именно, сударыня. Но это не мешало вам слушать меня с удовольствием; вам никогда еще не представлялся такой блестящий случай.

Леди Тизл. Неправда! Разве я не отказалась сару Тиви Террье, которого все считали гораздо лучшей партией? Его состояние было ничуть не меньше вашего, и к тому же вскоре после нашей свадьбы он сломал себе шею.

Сэр Питер Тизл. Сударыня, между нами все кончено! Вы бесчувственное, неблагодарное... Но есть предел всему. Я считаю вас способной на что угодно дурное. Да, сударыня, теперь я верю слухам относительно вас и Чарлза, сударыня. Да, сударыня, вас и Чарлза не без оснований...

Леди Тизл. Осторожнее, сэр Питер! Вам лучше воздержаться от таких намеков! Беспринципных подозрений я не потерплю, предупреждаю вас.

Сэр Питер Тизл. Отлично, сударыня! Отлично! Раздельное жительство — как только вам будет угодно! Да, сударыня! Или развод! Пусть я буду спасительным примером всем старым холостякам! Сударыня, разведемся.

Леди Тизл. Я согласна, я согласна. Таким образом, дорогой мой сэр Питер, мы с вами снова единодушны, мы снова можем быть счастливейшими супругами и никогда больше не ссориться, не правда ли? Ха-ха-ха! Но я вижу, вы собираетесь вспылить, я не хочу вам мешать, и потому — до свидания. (Уходит.)

Сэр Питер Тизл. Гром и молния! Даже рассердить ее, и то мне не удается! О, я несчастнейший из людей! Но я не позволю ей оставаться спокойной. Нет! Я лягу в гроб, но выведу ее из себя! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ II

У ЧАРЛЗА СЭРФЕСА

Входят Трип, Мозес и сэр Оливер Сэрфес.

Трип. Пожалуйте, господин Мозес. Обождите минутку, я узнаю, можно ли... Как зовут этого джентльмена?

Сэр Оливер Сэрфес. Мистер Мозес, как меня зовут?

Мозес. Мистер Примиэм.

Трип. Примиэм? Отлично. (Уходит, беря понюшку.)

Сэр Оливер Сэрфес. Если судить по слугам, то никогда не поверишь, что хозяин разорен. Но позвольте! Да ведь это же дом моего брата?

Мозес. Да, сэр. Мистер Чарлз купил его у мистера Джозефа, вместе с обстановкой, картинами и прочим, в том самом виде, как он остался после старого хозяина. Сэр Питер считал это сумасбродством с его стороны.

Сэр Оливер Сэрфес. По-моему, продать его из скупости было куда предосудительнее.

Входит Трип.

Трип. Хозяин сказал, чтобы вы подождали, господа. У него гости, и сейчас он не может с вами говорить.

Сэр Оливер Сэрфес. Если бы он знал, кто желает его видеть, он, может быть, так бы не ответил?

Трип. Нет, нет, сэр, он знает, что это вы. Я не забыл про маленького Примиэма, как же, как же.

Сэр Оливер Сэрфес. Отлично. А могу я узнать ваше имя, сэр?

Трип. Трип, сэр; мое имя Трип, к вашим услугам.

Сэр Оливер Сэрфес. Мне кажется, мистер Трип, служба тут у вас приятная?

Трип. Да, конечно. Нас здесь трое или четверо, и время мы проводим довольно недурно. Вот только с жалованьем бывает иной раз заминка, да и жалованье-то не очень большое, пятьдесят фунтов в год, а сетки для волос и букеты — свои.

Сэр Оливер Сэрфес (*в сторону*). Сетки для волос и букеты! Плетей бы вам и палок!

Трип. Кстати, Мозес, удалось вам учесть для меня этот векселек?

Сэр Оливер Сэрфес (*в сторону*). И этот денег ищет, боже милостивый! Тоже, небось, в критическом положении, как лорд какой-нибудь, и щеголяет долгами и кредиторами.

Мозес. Ничего нельзя было сделать, мистер Трип, уверяю вас.

Трип. Вот так штука! Вы меня удивляете. Мой приятель Брэш надписал его, и я считал, что если на обороте векселя стоит его имя, то это все равно, что наличные.

Мозес. Нет, ничего не выйдет.

Трип. Ведь маленькая сумма, всего только двадцать фунтов! А скажите, Мозес, вы не могли бы достать ее мне под проценты?

Сэр Оливер Сэрфес (*в сторону*). Под проценты! Ха-ха! Лакей ищет денег под проценты! Вот это шикарно, я понимаю.

Мозес. Можно, но вы должны застраховать свою должность.

Трип. О, с величайшим удовольствием! Я застрахую и мою должность и мою жизнь, если вам угодно.

Сэр Оливер Сэрфес (*в сторону*). Я бы твою шею не решился застраховать.

Мозес. А не найдется ли у вас что-нибудь в залог?

Трип. Из хозяйствского платья ничего существенного за последнее время не перепадало. Но я мог бы выдать вам закладную на кое-какие его зимние вещи, с правом выкупа до ноября, или с заменой их кафтаном французского бархата, или же с обязательством уступить вам после его смерти голубой с серебром,— так бы я думал, Мозес. Да несколько пар кружевных манжет, в виде дополнительного обеспечения,— что вы на это скажете, милый друг?

Мозес. Хорошо, хорошо.

Звонок.

Трип. Эге, звонят! Я думаю, господа, теперь вас примут. Не забудьте насчет процентов, душа моя Мозес! Прошу сюда, господа. Должность мою я застрахую, не беспокойтесь.

Сэр Оливер Сэрфес (*в сторону*). Если он похож на своего хозяина, то я понстине в храме мотовства!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ III

Чарлз Сэрфес, Кейрлесс и другие — за столом, уставленным бутылками и прочим.

Чарлз Сэрфес. Это совершенно верно, честное слово! Мы живем в эпоху вырождения. Многие наши знакомые — люди со вкусом, остроумные, светские, но, чорт их побери, они не пьют!

Кейрлесс. Вот именно, Чарлз. Они предаются всем решительно роскошествам стола, но воздерживаются от вина и веселья. О, разумеется, это наносит обществу невыносимый ущерб; исчез товарищеский дух веселой шутки, который, бывало, пенился над стаканом доброго бургундского, и беседа их стала похожа на воду Спа, обычный их напиток, которая шипит и играет, как шампанское, но лишена его хмеля и аромата.

Первый гость. Но что же делать тем, кто бутылке предпочитает игру?

Кейрлесс. А ведь верно: вот и сэр Харри посадил себя на диету, чтобы лучше играть, и ничего не признает, кроме костей.

Чарлз Сэрфес. Тем хуже для него. Не станете же вы тренировать скаковую лошадь, лишив ее овса? Что касается меня, то, честное слово, мне больше всего везет, когда я чуточку навеселе. Если я выпил бутылку шампанского, я никогда не проигрываю, во всяком случае никогда не чувствую проигрыша, что одно и то же.

Второй гость. С этим я согласен.

Чарлз Сэрфес. И потом, разве может верить в любовь отрекшийся от вина? С помощью вина влюбленный познает свое сердце. Осушите двенадцать бокалов в честь двенадцати красавиц, и та, чей образ всплынет в вашем сердце, и есть покорившая вас.

Кейрлесс. Послушай, Чарлз, будь честен, назови нам свою истинную избранницу.

Чарлз Сэрфес. Я молчал о ней, жалея вас. Если я стану пить ее здоровье, вам придется поднять бокалы за целый круг равных ей, а это невозможно — на земле.

Кейрлесс. О, мы найдем каких-нибудь святых весталок или языческих богинь, которые вполне сойдут, ручаюсь.

Чарлз Сэрфес. Итак, полней бокалы, злодеи вы этакие! Полней бокалы! За Мэрайю! За Мэрайю...

Сэр Хэрри Бэмпер. За Мэрайю,—а дальше как?

Чарлз Сэрфес. К чорту фамилию! Это слишком официально для календаря Любви. А теперь, сэр Хэрри, смотрите, вы должны назвать красавицу совершенно исключительную.

Кейрлесс. Бросьте, не старайтесь, сэр Хэрри. Мы поддержим ваш тост, хотя бы ваша милая была крива на один глаз, да кстати, у вас есть и песня, чтобы оправдаться.

Сэр Хэрри Бэмпер. Есть такая, это верно! И я вместо красавицы предложу ему песню. (Поет.)

За подростка несмелых пятнадцати лет;

За вдовицу на пятом десятке;

За слепящую блеском и роскошью свет;
За живущую в скромном достатке.

Хор.

Дайте вина,
Выпьем до дна,
Клянусь вам, что этого стоит она.

Сэр Хэрри Бэмпер.

За красотку, чьи ямочки трогают нас,
И за ту, что без ямочек, разом;
За прелестницу с парой лазоревых глаз
Иль хотя бы с одним только глазом.

Хор.

Дайте вина и т. д.

Сэр Хэрри Бэмпер.

За девицу, чья грудь белоснежно бела,
И за ту, что черней черной ночи;
За жену, чья улыбка всегда весела,
И за ту, чьи заплаканы очи.

Хор.

Дайте вина и т. д.

Сэр Хэрри Бэмпер.

Молода, пожила, неуклюжа, стройна —
Это все, господа, пустословье;
Наливайте же в чашу побольше вина,
Чтобы чаша была выше края полна,
Чтобы выпить со мной их здоровье.

Хор.

Дайте вина и т. д.

В с е. Браво! Браво!

Входит *Трип* и говорит на ухо Чарлэу Сэрфесу.

Чарлз Сэрфес. Господа, прошу вас извинить меня на минуту. Кейрлесс, займи председательское место. Хорошо?

Кейрлесс. Нет, послушай, Чарлз, что же это такое! Или это одна из твоих несравненных красавиц заглянула к тебе?

Чарлз Сэрфес. Нет, нет! Сказать вам правду, это еврей и маклер, которым я назначил прийти.

Кейрлесс. Ну, и великолепно! Зови еврея сюда. Первый гость. И маклера тоже, непременно.

Второй гость. Да, да, еврея и маклера.

Чарлз Сэрфес. Чудесно, с удовольствием! Трип, попроси этих джентльменов сюда. Хотя одного из них я не знаю, должен вам сказать.

Трип уходит.

Кейрлесс. Чарлз, угостим их хорошим бургундским. Может быть, у них проснется совесть.

Чарлз Сэрфес. Нет, чтоб им лопнуть, этого нельзя! Вино обостряет природные свойства человека. Если их напоить, это только распламит их жульство.

Входят *Трип*, сэр Оливер Сэрфес и Мозес.

Пожалуйста, честный Мозес, прошу. Прошу вас, мистер Примиэм. Ведь так зовут этого джентльмена, Мозес?

Мозес. Да, сэр.

Чарлз Сэрфес. Подвинь стулья, Трип. Садитесь, мистер Примиэм.—Стаканы, Трип.—Садитесь, Мозес.—Мистер Примиэм, я провозглашаю тост: «За процветание ростовщичества!» —Мозес, налейте этому джентльмену полный стакан.

Мозес. «За процветание ростовщичества!»

Кейрлесс. Правильно, Мозес! Ростовщичество — почтенный промысел и заслуживает процветания.

Сэр Оливер Сэрфес. «За все то процветание, которого оно заслуживает!»

Кейрлесс. Нет, нет, так не годится! Мистер Примиэм, вы сделали оговорку и потому должны выпить полквартовый кубок.

Первый гость. Полквартовый кубок, не меньше.

Мозес. Помилуйте, сэр, как можно? Ведь мистер Примиэм человек из общества.

Кейрлесс. И поэтому любит хорошее вино.

Второй гость. Налейте Мозесу кварту! Это — буйт и открытое неуважение к председателю!

Кейрлесс. Извольте повиноваться! Я буду защищать закон до последней капли моей бутылки.

Сэр Оливер Сэрфес. Нет, господа, прошу вас... Я не ожидал такого обхождения.

Чарлз Сэрфес. Бросьте, не надо! Мистер Примиэм — человек новый.

Сэр Оливер Сэрфес (в сторону). Вот история! Я был бы рад отсюда убраться.

Кейрлесс. Ну, и чорт с ними! Если они не желают пить, мы с ними сидеть не будем. Идем, Хэрри, там рядом есть кости. Чарлз, ты к нам придешь, когда кончиши с ними свои дела?

Чарлз Сэрфес. Приду, приду!

Они уходят.

Кейрлесс!

Кейрлесс (возвращаясь). Что?

Чарлз Сэрфес. Ты мне, может быть, понадобишься.

Кейрлесс. О, ты знаешь, я всегда готов: слово, вексель, поручительство — мне все равно. (Уходит.)

Мозес. Сэр, это мистер Примиэм, человек высокой честности, которому вы всецело можете довериться. Он всегда исполняет то, за что берется.—Мистер Примиэм, это...

Чарлз Сэрфес. Да бросьте вы! — Сэр, мой друг Мозес очень честный малый, но он немного медленно выражается; он целый час будет нас представлять друг другу. Мистер Примиэм, сущность дела такова: я — расточительный молодой человек, которому нужно занять денег; вы, я полагаю, благоразумный старый хрыч, который накопил денег, чтобы ими ссуджать. Я такой дурак, что готов дать пятьдесят процентов, лишь бы их получить; а вы, надо думать, такой каналья, что готовы взять сто, если это можно. Итак, сэр, как видите, мы теперь знакомы и можем перейти к делу без дальнейших церемоний.

Сэр Оливер Сэрфес. Исключительно откровенно, честное слово! Я вижу, сэр, вы не любитель излишних комплиментов.

Чарлз Сэрфес. О нет, сэр. Деловые разговоры я предпочитаю вести начистоту.

Сэр Оливер Сэрфес. Сэр, мне это тем приятнее. Хотя в одном вы ошибаетесь: у меня нет денег, чтобы вас ссудить, но я думаю, что мог бы достать немного у одного моего приятеля; но только это бесконечный пес. Так ведь, Мозес?

Мозес. Но с ним ничего не поделаешь.

Сэр Оливер Сэрфес. И он вынужден продать бумаги, чтобы вас выручить. Так ведь, Мозес?

Мозес. Совершенно верно. Вы знаете, я всегда говорю правду и ни за что на свете не солгу.

Чарлз Сэрфес. Правильно. Те, кто говорит правду, обыкновенно не лгут. Но все это пустяки, мистер Примиэм. Чего там! Я знаю, денег даром не купишь.

Сэр Оливер Сэрфес. Так, но какое обеспечение могли бы вы предложить? Земли у вас нет, ялагаю?

Чарлз Сэрфес. Ни горсточки, ни травинки; вот разве в цветочных горшках за окном.

Сэр Оливер Сэрфес. И никакой движимости, вероятно?

Чарлз Сэрфес. Только живой инвентарь — несколько пойнтеров и пони. Но скажите, мистер При-

миэм, неужели вы не знаете никого из моих родственников?

Сэр Оливер Сэрфес. По правде говоря, знаю.

Чарлз Сэрфес. Тогда вам должно быть известно, что в Ост-Индии у меня есть чертовски богатый дядюшка, сэр Оливер Сэрфес, на которого я возлагаю величайшие надежды.

Сэр Оливер Сэрфес. Что у вас есть богатый дядюшка, это я слышал. Но как обернутся ваши надежды, этого, я полагаю, вы не можете сказать.

Чарлз Сэрфес. О нет, в этом я ни минуты не сомневаюсь. Мне говорили, что ко мне он расположен совершенно неслыханно и хочет мне оставить все, что у него есть.

Сэр Оливер Сэрфес. В самом деле? Я в первый раз это слышу.

Чарлз Сэрфес. Да, да, уверяю вас. Мозес знает, что это правда. Так ведь, Мозес?

Мозес. О да! Готов присягнуть.

Сэр Оливер Сэрфес (в сторону). Ей-богу, они меня уверят, что я сейчас в Бенгалии.

Чарлз Сэрфес. Так вот, мистер Примиэм, я бы вам предложил, если это вас устраивает, рассчитаться с вами из наследства, которое я получу после сэра Оливера. Хотя, знаете, старик был так щедр со мной, что, даю вам слово, я был бы очень огорчен, если бы с ним что-нибудь случилось.

Сэр Оливер Сэрфес. И я не меньше вашего,

бываю вас уверить. Но то, что вы мне предлагаете, это как раз наихудшее из возможных обеспечений, потому что я могу прожить до ста лет и так и не увидеть своих денег.

Чарлз Сэрфес. О, почему же? Как только сэр Оливер умрет, вы ко мне за ними явитесь.

Сэр Оливер Сэрфес. И это будет самый жуткий кредитор, который когда-либо к вам являлся.

Чарлз Сэрфес. Вы, я вижу, боитесь, что сэр Оливер слишком живуч?

Сэр Оливер Сэрфес. О нет, этого я не боюсь. Хотя я слышал, что для своих лет он вполне здоров и крепок.

Чарлз Сэрфес. Опять-таки и в этом вы плохо осведомлены. Нет, нет, тамошний климат очень ему повредил, бедному дяде Оливеру. Да, да, он, говорят, тает на глазах и так изменился за последнее время, что даже родные его не узнают.

Сэр Оливер Сэрфес. Нет, ха-ха-ха! Так изменился за последнее время, что даже родные его не узнают! Ха-ха-ха! Вот, я вам скажу, ха-ха-ха!

Чарлз Сэрфес. Ха-ха! Вы рады это слышать, милый Примиэм?

Сэр Оливер Сэрфес. Нет, нет, помилуйте!

Чарлз Сэрфес. Да, да, вы рады, ха-ха-ха! Ведь это увеличивает ваши шансы.

Сэр Оливер Сэрфес. Но мне говорили, что сэр Оливер едет сюда. И даже как будто уже прибыл

Чарлз Сэрфес. Полноте! Я-то уж лучше вашего должен знать, приехал он или нет. Нет, нет, смею вас уверить, что сейчас он в Калькутте. Так ведь, Мозес?

Мозес. О, разумеется.

Сэр Оливер Сэрфес. Вам, конечно, лучше знать, не спорю; хотя у меня эти сведения из очень надежного источника. Правда, Мозес?

Мозес. О, несомненно.

Сэр Оливер Сэрфес. Но все-таки, сэр, насколько я понимаю, вам требуется несколько сот немедленно. Неужели у вас нет ничего, чем вы могли бы располагать?

Чарлз Сэрфес. В каком смысле?

Сэр Оливер Сэрфес. Я слышал, например, что после вашего отца осталось великое множество старинного столового серебра.

Чарлз Сэрфес. О господи, его давно уже нет. Мозес вам это расскажет лучше моего.

Сэр Оливер Сэрфес (*в сторону*). Вот так так! Все фамильные скаковые призы и подношения! — Затем считалось, что его библиотека — одна из наиболее ценных и хорошо подобранных...

Чарлз Сэрфес. Да, да, слишком даже обширная для частного лица. Что касается меня, я всегда был человек общительный, и мне казалось совестно хранить столько знаний для себя одного.

Сэр Оливер Сэрфес (*в сторону*). Боже правый! И это — в семье, где образованность передавалась

из рода в род! — А что же стало со всеми этими книгами, скажите?

Чарлз Сэрфес. Об этом вы спросите у аукционщика, мистер Примиэм, потому что навряд ли и Мозес вам это скажет.

Мозес. Насчет книг я ничего не знаю.

Сэр Оливер Сэрфес. Так, так. Повидимому, из фамильного имущества ничего не осталось?

Чарлз Сэрфес. Да, немного. Вот разве фамильные портреты, если это вас интересует. У меня там наверху целая комната, набитая предками, и, если вы любитель живописи, вы можете их купить по сходной цене.

Сэр Оливер Сэрфес. Нет, чорт возьми! Не станете же вы продавать ваших предков?

Чарлз Сэрфес. Любого из них тому, кто больше даст.

Сэр Оливер Сэрфес. Как? Ваших дедов и бабок?

Чарлз Сэрфес. Да, и прадедов и прабабок тоже.

Сэр Оливер Сэрфес (в сторону). Теперь я от него отступаюсь. — Что за чорт, неужто вам не жаль своей родни? Гром небесный, или вы меня принимаете за Шейлока из комедии, что хотите получить от меня деньги за собственную плоть и кровь?

Чарлз Сэрфес. Полноте, милый маклер, не сердитесь! Какое вам дело, если за свои деньги вы получите товар?

Сэр Оливер Сэрфес. Хорошо, я их куплю. Я думаю, мне удастся пристроить эти фамильные пор-

треты. (В сторону.) О, этого я ему никогда не прошу, никогда!

Входит Кейрлесс.

Кейрлесс. В чем дело, Чарлз? Где ты пропал?

Чарлз Сэрфес. Я сейчас не могу. Мы, знаешь, устраиваем аукцион наверху. Маленький Примнэм покупает всех моих предков.

Кейрлесс. Ну их в печку, твоих предков!

Чарлз Сэрфес. Нет, нет. Если он хочет, он сам отправит их туда, только потом. Постой, Кейрлесс, ты нам нужен. Ты будешь аукционщиком. Иди с нами.

Кейрлесс. С вами, так с вами, все равно! Держать в руке молоток не хитрее, чем стакан с костями.

Сэр Оливер Сэрфес (в сторону). О, распутники!

Чарлз Сэрфес. А вы, Мозес, будьте оценщиком, если таковой потребуется. Что это, милый Примнэм, вам как будто все это не очень нравится?

Сэр Оливер Сэрфес. О нет, напротив, чрезвычайно! Ха-ха-ха! Еще бы! Это редкостная потеха — продажа с аукциона целой семьи, ха-ха! (В сторону.) Ах, расточитель!

Чарлз Сэрфес. А то как же! Когда человеку нужны деньги, то где же, к черту, ему их раздобыть, если он начнет церемониться со своими же родственниками?

Уходят,

Действие четвертое

ЯВЛЕНИЕ I

В ПОРТРЕТНОЙ ГАЛЛЕРЕЕ У ЧАРЛЗА

*Входят Чарлз Сэрфес, сэр Оливер Сэрфес,
Мозес и Кейрлесс.*

Чарлз Сэрфес. Прошу вас, господа, прошу по-
жаловать. Вот он, род Сэрфесов, начиная со времен
нормандского завоевания.

Сэр Оливер Сэрфес. Превосходная коллекция,
на мой взгляд.

Чарлз Сэрфес. Да, да, настоящая портретная
живопись: без всякой фальшивой грации и ложной
выразительности. Это вам не холсты современных Ра-
фаэлей, которые придают вам поразительную внешность,
но стараются, чтобы ваш портрет не имел с вами ни-
чего общего, так что, если даже подменить оригинал,
изображение не пострадает. Нет, нет, достоинство этих—

закоренелое сходство: такие же деревянные и неуклюжие, как и их подлинники, и ни на что другое в мире не похожие.

Сэр Оливер Сэрфес. Ах, таких людей мы уже не увидим!

Чарлз Сэрфес. Надеюсь. Вы видите, господин Примиэм, как я привержен к домашней жизни; здесь я провожу вечера в кругу моей семьи.— Однако, господин аукциоnщик, пожалуйте на подмостки; вот старое отцовское кресло: оно как раз годится, хоть у него и подагра.

Кейрлесс. Вот, вот, отлично!— Но, позволь, Чарлз, у меня нет молотка. Какой же я аукциоnщик, без молотка?

Чарлз Сэрфес. А ведь это верно. Погоди-ка, что это за пергамент? О, полная наша генеалогия! Держи, Кейрлесс. Это тебе не какое-нибудь там красное дерево, это родословное древо,— чувствуешь? Орудуй им, как молотком. Пристукивай моих предков собственной их родословной.

Сэр Оливер Сэрфес (в сторону). Вот изверг! Загробный отцеубийца.

Кейрлесс. Да, да, тут действительно вся ваша родня. Честное слово, Чарлз, ничего удобнее нельзя и придумать: это не только молоток, но заодно и каталог.— Ну-с, начинаем. Продается, продается, продается!

Чарлз Сэрфес. Браво, Кейрлесс! — Итак, вот мой

двоюродный дед, сэр Ричард Рэвлин, великолепный в свое время генерал, уверяю вас. Он проделал все кампании герцога Мальборо и получил этот рубец над глазом в битве при Мальплакэ.—Что скажете, мистер Примиэм? Посмотрите на него. Герой,—не общепопулярный какой-нибудь, как теперешние ваши стриженые офицеры, а облеченный в парик и полную форму, как и подобает генералу. Сколько вы даете?

Мозес. Мистер Примиэм хотел бы, чтобы вы сами назначили цену.

Чарлз Сэрфес. В таком случае он может получить его за десять фунтов. Я считаю, что за полководца это недорого.

Сэр Оливер Сэрфес (*в сторону*). Силы небесные! Его знаменитый дед Ричард—за десять фунтов!—Хорошо, сэр, я беру его за эту цену.

Чарлз Сэрфес. Кейрлесс, пристукни дедушку Ричарда.—Это вот—его незамужняя сестра, моя двоюродная бабушка Дебора, писанная Неллером; считается одной из лучших его работ, сходство чудовищное. Вот она, посмотрите: пастушка со своим стадом. Вы можете получить ее за пять фунтов десять шиллингов. Овцы этих денег стоят.

Сэр Оливер Сэрфес (*в сторону*). Ах, бедная Дебора! Женщина, которая так высоко себя ценила!—Пять фунтов десять шиллингов,—она моя.

Чарлз Сэрфес. Пристукни бабушку Дебору!—Вот эти двое—какие-то их родственники. Видите, Мо-

зес, эти портреты писаны довольно давно, когда щеголи носили парики, а дамы — собственные волосы.

Сэр Оливер Сэрфес. Да, прически были по-ниже в те времена.

Чарлз Сэрфес. Ну, что ж, берите эту парочку по той же цене.

Мозес. Это дешево.

Чарлз Сэрфес. Кейрлесс! — Это вот — дед моей матери, ученый судья, хорошо известный в западном округе. Во сколько вы его оцениваете, Мозес?

Мозес. Четыре гинеи.

Чарлз Сэрфес. Четыре гинеи? Чорта с два, да один его парик дороже стоит! Мистер Примиэм, у вас больше почтения к судейскому званию. Давайте пристукнем досточтимого лорда за пятнадцать.

Сэр Оливер Сэрфес. Извольте.

Кейрлесс. Продано!

Чарлз Сэрфес. А вот два его брата, Уильям и Уолтер Блэнт, эсквайры, оба члены парламента и выдающиеся ораторы, и что совершенно удивительно, до сих пор как будто еще не было случая, чтобы они продавались или покупались.

Сэр Оливер Сэрфес. Это, в самом деле, совершенно удивительно! Я их возьму по вашей цене, из уважения к парламенту.

Кейрлесс. Хорошо сказано, маленький Примиэм! Я их пристукну за сорок.

Чарлз Сэрфес. Вот еще славный малый; я не

знаю, как он мне приходится, но он был мэром города Манчестера. Возьмите его за восемь фунтов.

Сэр Оливер Сэрфес. Нет, нет, за мэра довольно шести.

Чарлз Сэрфес. Ладно, сосчитайте в гинеях, и я вам подкину обоих этих олдерменов на придачу.

Сэр Оливер Сэрфес. Они мои.

Чарлз Сэрфес. Кейрлесс, пристукни мэра и олдерменов. Однако, чорт возьми, этак, в розницу, мы целый день провозимся. Давайте — оптом. Что вы скажете, маленький Примиэм? Отсчитайте триста фунтов за всех остальных гуртом.

Кейрлесс. Да, да, так будет лучше всего.

Сэр Оливер Сэрфес. Извольте, извольте, если это вам удобнее. Они — мои. Но тут есть один портрет, который вы все время обходили.

Кейрлесс. Который? Вот этот плюгавый человечек над козеткой?

Сэр Оливер Сэрфес. Да, сэр, этот самый, хотя я вовсе не нахожу, чтобы это был такой уж плюгавый человечек, ни в коем случае.

Чарлз Сэрфес. Что, что? А! Это мой дядя Оливер. Портрет писан еще до отъезда его в Индию.

Кейрлесс. Твой дядя Оливер! Ну, знаешь, Чарлз, с ним ты никогда в ладах не будешь. Я такой неприветливой физиономии в жизни не встречал. Глаза злопамятные и выражение лица, не сулящее никаких на-

дажд на наследство. Отъявленный жулик, поверь моему слову. Вам это не кажется, маленький Примиэм?

Сэр Оливер Сэрфес. Откровенно говоря, сэр, нет, не кажется. По-моему, это такое же честное лицо, как и все остальные в этой комнате, мертвые и живые. Но, я полагаю, дядя Оливер идет в общей куче?

Чарлз Сэрфес. Нет, дудки! Я с бедным Ноллем не расстанусь. Старик был очень мил со мной, и я буду хранить его портрет, пока у меня есть комната, где его приютить.

Сэр Оливер Сэрфес (*в сторону*). Ведь как-никак, он мой племянник, этот вертопрах! — А мне, знаете, этот портрет приглянулся, сэр.

Чарлз Сэрфес. Очень жаль, потому что вы его безусловно не получите. Разве мало вы их набрали, чорт возьми?

Сэр Оливер Сэрфес (*в сторону*). Я все ему прощаю! — Но видите ли, сэр, когда мне что-нибудь приспичит, я на деньги не смотрю. Я дам за него столько же, сколько за все остальные.

Чарлз Сэрфес. Не дразните меня, господин маклер. Я вам сказал, что не расстанусь с ним, и кончено.

Сэр Оливер Сэрфес (*в сторону*). Как этот щенок похож на своего отца! — Хорошо, хорошо, не буду. (*В сторону*.) Я раньше этого не замечал, а теперь мне кажется, что я в жизни не встречал такого поразительного сходства. — Вот приказ на причитающуюся вам сумму.

Чарлз Сэрфес. Позвольте, да ведь он на восемьсот фунтов.

Сэр Оливер Сэрфес. А вы не уступите сэра Оливера?

Чарлз Сэрфес. Да нет же, черт! Повторяю вам.

Сэр Оливер Сэрфес. В таком случае не смотрите на разницу, сосчитаемся другой раз, а пока дайте мне вашу руку, чтобы скрепить продажу. Вы честный малый, Чарлз... простите, сэр, такую вольность.—Идем, Мозес.

Чарлз Сэрфес. Ей-богу, презанятный старишок!— Но послушайте, Примиэм, вы приготовите квартиры для этих джентльменов?

Сэр Оливер Сэрфес. Да, да, и пришло за ними дня через два.

Чарлз Сэрфес. Только смотрите: пришлите за ними экипаж понаряднее, потому что, уверяю вас, большинство из них привыкло ездить в собственных каретах.

Сэр Оливер Сэрфес. Пришлю, пришлю — за всеми, кроме Оливера.

Чарлз Сэрфес. Да, за всеми, кроме маленького набоба.

Сэр Оливер Сэрфес. Вы это твердо решили?

Чарлз Сэрфес. Бесповоротно.

Сэр Оливер Сэрфес (в сторону). Что за мальный ветрогон! — До свидания! — Идем, Мозес. Пусть теперь кто-нибудь попробует мне сказать, что это мот и расточитель!

Сэр Оливер Сэрфес и Мозес уходят.

Кейрлесс. Никак не ожидал, что может быть такое удивительное существо среди ему подобных!

Чарлз Сэрфес. Ей-богу, это король маклеров! И где это Мозес откопал такого честного чудака? — А, вот и Раули! Кейрлесс, скажи нашей компании, что я сейчас приду.

Кейрлесс. Хорошо. Только смотри, не поддавайся этому старому дураку, а то он тебя уговорит растратить эти деньги на уплату каких-нибудь прогнивших долгов или какую-нибудь чепуху в этом роде. Все эти торговцы, Чарлз, совершенно непозволительная публика.

Чарлз Сэрфес. Вот именно, и платить им — значит только им потакать.

Кейрлесс. И ничего другого.

Чарлз Сэрфес. Да, да, будь покойен.

Кейрлесс уходит.

Так! Действительно, старишка был занятный! — Теперь посмотрим: две трети — мои по праву, пятьсот тридцать с чем-то фунтов. Ей-богу! Оказывается, предки гораздо более выгодная родня, чем я думал. Леди и джентльмены, ваш покорнейший и глубоко признательный слуга.

Входит Раули.

А! Старый Раули! Вы пришли как раз во-время, чтобы проститься с вашими старыми знакомыми.

Раули. Да, я уже слышал, что они уезжают. Но я удивляюсь, как вы можете сохранять веселость среди таких несчастий.

Чарлз Сэрфес. В том-то и дело! Несчастий у меня так много, что ~~мне~~ нельзя расставаться с веселостью. Но придет время, и я буду богат и мрачен. Вам хотелось бы, чтобы я горевал, разлучаясь с таким множеством близких родных. Конечно, это очень тяжело. Но вы видите, они и бровью не шевельнут,— чем я хуже их?

Раули. Вы ни минуты не умеете быть серьезным.

Чарлз Сэрфес. Нет, нет, сейчас я серьезен. Вот, мой честный Раули, вот, получите по этому приказу поскорее деньги и немедленно пошлите сто фунтов старику Стенли.

Раули. Сто фунтов! Вы только подумайте...

Чарлз Сэрфес. Ради бога, не говорите об этом! Бедному Стенли надо помочь неотложно, и если вы не поторопитесь, то явится кто-нибудь другой, у которого больше прав на эти деньги.

Раули. Вот в том-то и дело! Я всегда вам буду твердить старую пословицу...

Чарлз Сэрфес. «Сначала справедливость, потом великодушие». Я так бы и поступал, если бы мог. Но Справедливость — старая хромоногая карга, и, как бы я ее ни подгонял, она у меня не поспевает за Великодушием.

Раули. И все-таки, Чарлз, поверьте мне, если вы хоть часок подумаете...

Чарлз Сэрфес. Знаю, знаю, все это — святая правда. Но, уверяю вас, Раули, пока у меня есть, я, честное слово, буду давать. Так к черту вашу бережливость, и — за кости!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ II

В ГОСТИНОЙ

Входят сэр Оливер Сэрфес и Мозес.

Мозес. Ну, что же, сэр, мне кажется, вы, как говорит сэр Питер, видели мистера Чарлза в полной славе. Жаль, что он такой ужасный мот.

Сэр Оливер Сэрфес. Да, но моего портрета он не продал.

Мозес. И такой любитель вина и женщин.

Сэр Оливер Сэрфес. Но моего портрета он не продал.

Мозес. И такой отчаянный игрок.

Сэр Оливер Сэрфес. Но моего портрета он не продал. А, вот и Раули!

Входит Раули.

Раули. Оказывается, сэр Оливер, вы приобрели...

Сэр Оливер Сэрфес. Да, да, наш молодой повеса разделялся со своими предками, как со старыми шпалерами.

Раули. А вот тут он мне поручил вернуть вам часть полученных денег, то есть вам, как бедствующему старику Стенли.

Мозес. Вот это всего обиднее: он чертова скости сострадателен.

Раули. А в передней дожидаются чулочник и двое портных, которым он, наверно, так и не заплатит, а эта сотня их бы устроила.

Сэр Оливер Сэрфес. Ничего, ничего, я заплачу его долги и возьму на себя его подарки. Но теперь я больше не маклер, и вы представите меня старшему брату, как бедного Стенли.

Раули. Только не сейчас. Я знаю, что сэр Питер как раз собирался у него быть в это время.

Входит Трип.

Трип. О, простите, господа, что я не пришел вас проводить. Пожалуйте сюда.—Мозес, на два слова.

Трип и Мозес уходят.

Сэр Оливер Сэрфес. Каков мошенник? Поверите ли, как только мы явились, он перехватил еврея и старался занять у него денег, прежде чем провести его к хозяину.

Раули. Вот как!

Сэр Оливер Сэрфес. И сейчас они обсуждают вопрос о процентах. Ах, милый Раули, в мое время слуги перенимали глупости своих хозяев, да и то затасканные; а теперь они берут их пороки, а заодно и парадные кафтаны, и то и другое в полном блеске.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ III

В БИБЛИОТЕКЕ

Джозеф Сэрфес и слуга.

Джозеф Сэрфес. От леди Тизл не было письма?

Слуга. Не было, сэр.

Джозеф Сэрфес. Я удивляюсь, что она не дала знать, если не может прийти. Сэр Питер, конечно, меня ни в чем не подозревает. Но хоть я и запутался с его женой, я бы ни в коем случае не хотел упустить богатую наследницу. Во всяком случае безрассудство и скверная репутация Чарлза мне как нельзя больше наручу.

За сценой стучат.

Слуга. Сэр, это, должно быть, леди Тизл.

Джозеф Сэрфес. Постой. Прежде чем отворять, посмотри, она ли это. Если это мой брат, я тебе скажу, что делать.

Слуга. Сэр, это леди Тизл. Она всегда оставляет носилки возле модистки в соседней улице.

Джозеф Сэрфес. Погоди, погоди. Заставь окно ширмой. Вот так — хорошо. Моя соседка напротив — ужасно беспокойная старая девица.

Слуга передвигает ширму и уходит.

Для меня получается нелегкая игра. Леди Тизл начинает догадываться о моих видах на Мэрайю. Но это во что бы то ни стало должно оставаться для нее секретом, по крайней мере до тех пор, пока я не получу над ней побольше власти.

Входит леди Тизл.

Леди Тизл. Что это за чувствительный монолог? Вы меня очень заждались? Ах, боже мой, не смотрите так строго. Уверяю вас, я не могла прийти раньше.

Джозеф Сэрфес. О, сударыня, точность — это разновидность постоянства, качества, весьма предосудительного в светской женщине.

Леди Тизл. Честное слово, вам бы следовало меня пожалеть. Сэр Питер последнее время так плохо ко мне относится и притом так ревнует меня к Чарлзу... Только этого нехватало, правда?

Джозеф Сэрфес (в сторону). Я рад, что язычки моих друзей в этом его поддерживают.

Леди Тизл. Мне бы очень хотелось, чтобы он позволил Мэрайе выйти за него замуж. Тогда он, может

быть, успокоился бы. А вам этого хотелось бы, мистер Сэрфес?

Джозеф Сэрфес (в сторону). Вот уж нисколько! — О, разумеется! Потому что тогда моя дорогая леди Тизл тоже убедилась бы, как неосновательны ее подозрения, что я имею какие-то виды на эту глупую девочку.

Леди Тизл. Ну, что же, я готова верить вам. Но разве не возмутительно, когда про человека рассказывают всякие безобразные вещи? А тут еще моя приятельница леди Снируэл распустила про меня целый ворон сплетен, и при этом без малейшего основания,— вот что меня злит.

Джозеф Сэрфес. Вот это-то, сударыня, и возмутительно: без малейшего основания! Да, да, вот это-то и обидно. Ведь если про вас ходит какой-нибудь скандальный слух, то всего утешительнее бывает сознание, что это справедливо.

Леди Тизл. Да, конечно, в таком случае я бы им простила. Но нападать на меня, которая действительно же так невинна и которая сама никогда никого не очернит, то есть никого из друзей... И потом сэр Питер, с его вечным брюзжанием и подозрениями, когда я знаю чистоту моего сердца,— все это просто чудовищно!

Джозеф Сэрфес. Но, дорогая моя леди Тизл, вы сами виноваты, что все это терпите. Если муж беспричинно подозревает свою жену и лишает ее до-

верия, то первоначальный их договор расторгнут, и она, ради чести своего пола, обязана его перехитрить.

Леди Тизл. Вот как? Так что если он меня подозревает, не имея к тому поводов, то наилучшим способом исцелить его от ревности было бы создать для нее основания?

Джозеф Сэрфес. Несомненно, потому что ваш муж никогда не должен в вас ошибаться, и в этом случае вам следует согрешить, чтобы оказать честь его проницательности.

Леди Тизл. Да, конечно, то, что вы говорите, очень разумно, и если бы сознание моей невинности...

Джозеф Сэрфес. Ах, дорогая моя леди Тизл, вот в этом-то и заключается главная ваша ошибка: вам больше всего и вредит сознание вашей невинности. Что заставляет вас пренебрегать условностями и мнением света? Сознание вашей невинности. Что мешает вам задумываться над вашим поведением и толкает вас на множество неосмотрительных поступков? Сознание вашей невинности. Что не позволяет вам мириться с выходками сэра Питера и быть равнодушной к его подозрительности? Сознание вашей невинности.

Леди Тизл. Да, это верно.

Джозеф Сэрфес. И вот, дорогая моя леди Тизл, если бы вы хоть раз самую чуточку остутились, вы не можете себе представить, до чего вы стали бы осторожны и как хорошо ладили бы с вашим мужем.

Леди Тизл. Вам кажется?

Джозеф Сэрфес. О, я уверен в этом! И сразу прекратились бы все сплетни, а сейчас ваше добре имя похоже на полнокровную особу, которая просто погибает от избытка здоровья.

Леди Тизл. Так, так. Следовательно, по-вашему, я должна грешить из самозащиты и расстаться с добродетелью, чтобы спасти свое добре имя?

Джозеф Сэрфес. Совершенно верно, сударыня, можете положиться на меня.

Леди Тизл. Это все-таки очень странная теория и совершенно новый рецепт против клеветы!

Джозеф Сэрфес. Рецепт непогрешимый, поверьте. Благоразумие, как и опытность даром не даются.

Леди Тизл. Что ж, если бы я прониклась убеждением...

Джозеф Сэрфес. О, разумеется, сударыня, вы прежде всего должны проникнуться убеждением. Да, да! Я ни за что на свете не стану вас уговаривать совершил поступок, который вы считали бы дурным. Нет, нет, я слишком честен для этого!

Леди Тизл. Не кажется ли вам, что честность мы могли бы оставить в покое?

Джозеф Сэрфес. Ах, я вижу, вы все еще не избавились от злосчастных следствий вашего провинциального воспитания!

Леди Тизл. Должно быть, так. И я сознаюсь вам откровенно: если что-нибудь и могло бы толкнуть

меня на дурной поступок, то уж скорее скверное обхождение сэра Питера, а не ваша «честная логика» все-таки.

Джозеф Сэрфес (беря ее руку). Клянусь этой рукой, которую он недостоин...

Входит слуга.

Что за чорт, болван ты этакий! Чего тебе надо?

Слуга. Извините, сэр, но я думал, вам будет не приятно, если сэр Питер войдет без доклада.

Джозеф Сэрфес. Сэр Питер? У-у, дьявол!

Леди Тизл. Сэр Питер? О боже! Я погибла! Я погибла!

Слуга. Сэр, это не я его впустил.

Леди Тизл. О, это мой конец! Что со мной будет? Послушайте, господин Логик... Ах, он идет по лестнице... Я спрячусь сюда... Чтобы я когда-нибудь повторила такую неосторожность... (Прячется за ширму.)

Джозеф Сэрфес. Дай мне эту книгу. (Садится.)

Слуга делает вид, что оправляет ему прическу. Входит сэр Питер.

Сэр Питер Тизл. Так, так, вечно погружен в занятия!.. Мистер Сэрфес, мистер Сэрфес!..

Джозеф Сэрфес. А, дорогой сэр Питер, прощите меня, пожалуйста. (Зевая, бросает книгу.) Я тут вздремнул над глупой книжкой.— Ах, я очень тронут

вашим посещением. Мне кажется, вы тут еще не были с тех пор, как я обставил эту комнату. Книги, вы знаете, единственная роскошь, которую я себе позволяю.

Сэр Питер Тизл. У вас тут, действительно, очень мило. Да, да, очень хорошо. И вы даже ширму превратили в источник знаний,— всю увесили, я вижу, картами.

Джозеф Сэрфес. О да, эта ширма приносит мне большую пользу.

Сэр Питер Тизл. Еще бы, особенно когда вам нужно что-нибудь спешно отыскать.

Джозеф Сэрфес (в сторону). Да, или что-нибудь спешно спрятать.

Сэр Питер Тизл. А у меня к вам, знаете, небольшое дело частного свойства...

Джозеф Сэрфес (слуге). Ты можешь идти.

Слуга. Слушаюсь, сэр. (Уходит.)

Джозеф Сэрфес. Вот вам кресло, сэр Питер, прошу вас...

Сэр Питер Тизл. Ну, так вот,— раз мы теперь одни,— имеется один вопрос, дорогой мой друг, о котором я хотел бы поговорить с вами откровенно, вопрос чрезвычайно важный для моего спокойствия; короче говоря, дорогой мой друг, поведение леди Тизл за последнее время причиняет мне очень много горя.

Джозеф Сэрфес. В самом деле? Мне очень грустно слышать это.

Сэр Питер Тизл. Да, совершенно ясно, что ко

мне она вполне равнодушна; но, что гораздо хуже, у меня есть очень веские основания предполагать, что она чувствует привязанность к другому.

Джозеф Сэрфес. В самом деле? Вы меня удивляете.

Сэр Питер Тизл. Да, и — между нами — мне кажется, я открыл, кто это такой.

Джозеф Сэрфес. Не может быть! Вы меня тревожите ужасно!

Сэр Питер Тизл. Ах, дорогой мой друг, я знал, что встреча у вас сочувствие.

Джозеф Сэрфес. О, поверьте, сэр Питер, такое открытие было бы для меня не меньшим ударом, чем для вас.

Сэр Питер Тизл. Я в этом убежден. Ах, какое счастье иметь друга, которому можно поверить даже семейные тайны! Но вы не догадываетесь, о ком я говорю?

Джозеф Сэрфес. Решительно не могу себе представить. Ведь это не может быть сэр Бенджемин Бэктайт!

Сэр Питер Тизл. О нет! А что, если бы это был Чарлз?

Джозеф Сэрфес. Мой брат! Это невозможно.

Сэр Питер Тизл. Ах, дорогой мой друг, вас обманывает ваше добре сердце! Вы судите о других по себе.

Джозеф Сэрфес. Конечно, сэр Питер, сердцу,

уверенному в собственной честности, трудно понять чужое коварство.

Сэр Питер Тизл. Да, но ваш брат — человек безнравственный. От него таких слов не услышишь.

Джозеф Сэрфес. Но зато сама леди Тизл — женщина честнейших правил.

Сэр Питер Тизл. Верно, но какие правила устоят перед чарами красивого, любезного молодого человека?

Джозеф Сэрфес. Это, конечно, так.

Сэр Питер Тизл. И потом, знаете, при нашей разнице в годах мало вероятно, чтобы она очень уж сильно меня любила; а если бы оказалось, что она мне изменяет и я бы предал это огласке, то весь город стал бы надо мной же смеяться, над глупым старым холостяком, который женился на девчонке.

Джозеф Сэрфес. Это верно, конечно,— смеяться стали бы.

Сэр Питер Тизл. Смеяться, да, и сочинять про меня баллады, и писать статейки, и чорт его знает что еще.

Джозеф Сэрфес. Нет, вам нельзя предавать этого огласке.

Сэр Питер Тизл. А главное, понимаете, чтобы племянник моего старого друга, сэра Оливера, чтобы именно он мог покуситься на такое злодейство — вот что мне особенно больно.

Джозеф Сэрфес. В том-то и суть. Когда стрела обиды зазубрена неблагодарностью, рана вдвойне опасна.

Сэр Питер Тизл. Да, и это меня, который был ему, так сказать, опекуном, который так часто принимал его у себя, который ни разу в жизни не отказал ему... в совете!

Джозеф Сэрфес. О, я не в силах этому поверить! Такая низость; конечно, мыслима; однако, пока вы мне не представите неопровергимых доказательств, я буду сомневаться. Но если это будет доказано,— он больше мне не брат, я отрекаюсь от него. Потому что человек, способный попрать законы гостеприимства и соблазнить жену своего друга, должен быть заклеймен, как общественная чума.

Сэр Питер Тизл. Как непохожи вы на него! Какие благородные чувства!

Джозеф Сэрфес. И все-таки честь леди Тизл для меня выше подозрений.

Сэр Питер Тизл. Я и сам был бы рад думать о ней хорошее и устраниТЬ всякие поводы к нашим ссорам. Она все чаще стала меня попрекать, что я не выделяю ей особого имущества; а в последнюю нашу ссору почти что намекнула, что не слишком огорчится, если я умру. И так как у нас, повидимому, разные взгляды на домашние расходы, то я и решил предоставить ей в этом отношении полную свободу; а когда я умру, она убедится, что при жизни я не был невнимателен к ее интересам. Вот здесь, мой друг, черновики двух документов, насчет которых я хотел бы выслушать ваше мнение. По одному из них она, пока я жив, будет по-

лучать восемьсот фунтов ежегодно в полное свое распоряжение; а по другому — наследует после моей смерти все мое состояние.

Джозеф Сэрфес. Сэр Питер, это поистине благородный поступок. (В сторону.) Только бы он не своротил мою ученицу!

Сэр Питер Тизл. Да, я решил, что у нее не будет больше поводов жаловаться. Но я хотел бы, чтобы до поры до времени этот знак моей любви оставался от нее в тайне.

Джозеф Сэрфес (в сторону). И я бы хотел, если бы это было возможно!

Сэр Питер Тизл. А теперь, дорогой мой друг, поговорим, если вы не возражаете, о положении ваших дел с Мэрайей.

Джозеф Сэрфес (тихо). Ах, нет, сэр Питер! В другой раз, пожалуйста!

Сэр Питер Тизл. Меня очень огорчает, что вы так медленно завоевываете ее благосклонность.

Джозеф Сэрфес (тихо). Прошу вас, не будем этого касаться. Что значат мои разочарования, когда речь идет о вашем счастье! (В сторону.) Чорт, он меня погубит окончательно!

Сэр Питер Тизл. И хоть вы упорно не желаете, чтобы я открыл леди Тизл вашу страсть к Мэрайе, я уверен, что в этом деле она будет на вашей стороне.

Джозеф Сэрфес. Умоляю вас, сэр Питер, сделайте мне одолжение. Я, право же, слишком взволнован

предметом нашей беседы, чтобы думать о самом себе. Человек, которому близкий друг поверил свои невзгоды, никогда не станет...

Входит слуга.

Чего тебе надо?

Слуга. Ваш брат, сэр, беседует на улице с каким-то господином и говорит, что вы, дескать, дома сейчас.

Джозеф Сэрфес. Фу ты, болван! Нет меня дома, я ушел на целый день.

Сэр Питер Тизл. Постойте, постойте, мне пришла мысль: пусть он скажет, что вы дома.

Джозеф Сэрфес. Хорошо, впусти его.

Слуга уходит.

(В сторону.) Он, по крайней мере, помешает сэру Питеру.

Сэр Питер Тизл. А теперь, дорогой мой друг, сделайте мне одолжение, я вас прошу. Пока Чарлз не пришел, дайте мне куда-нибудь спрятаться, а затем пожурите его насчет того, о чем мы с вами беседовали, и его ответ может сразу же меня успокоить.

Джозеф Сэрфес. Помилуйте, сэр Питер! Какую некрасивую игру вы мне предлагаете! Ставить ловушку родному брату!

Сэр Питер Тизл. Да вы же сами говорите, что уверены в его невинности. А раз так, то вы окажете ему величайшую услугу, дав ему возможность оправдаться, и моему сердцу вернете покой. Нет, вы мне не откажете! Вот здесь, за этой ширмой, лучше всего будет...

Э, что за чорт! Да там уже как будто кто-то слушает!
Честное слово, я видел юбку!

Джозеф Сэрфес. Ха-ха-ха! Это, действительно, получилось забавно. Послушайте меня, дорогой сэр Питер. Конечно, я считаю, что проводить жизнь в любовных интригах крайне безнравственно, но из этого, понимаете, все-таки не следует, что надо превращаться в какого-то Иосифа Прекрасного! Я вам сознаюсь: это модисточка-француженка, маленькая плутовка, которая иногда ко мне заходит. Она, как-никак, дорожит своей репутацией и, когда вы вошли, спряталась за ширму.

Сэр Питер Тизл. Ах, плutiшка вы этакий! Но, боже мой, она слышала все, что я тут говорил про мою жену.

Джозеф Сэрфес. О, дальше это никуда не пойдет, можете быть спокойны.

Сэр Питер. Правда? Ну, так пусть себе слушает все. Тут у вас чулан какой-то, я могу сюда.

Джозеф Сэрфес. Хорошо, залезайте.

Сэр Питер Тизл (прячась в чулан). Вот хитрый плут! Вот хитрый плут!

Джозеф Сэрфес. Ведь чуть не попался! Ну и положение, однако: так рассовать мужа и жену!

Леди Тизл (выглядывая). Нельзя ли мне убежать как-нибудь?

Джозеф Сэрфес. Сидите смироно, мой ангел!

Сэр Питер Тизл (выглядывая). Джозеф, прижмите его хорошенько.

Джозеф Сэрфес. Не показывайтесь, дорогой мой друг!

Леди Тизл. А нельзя ли запереть сэра Питера?

Джозеф Сэрфес. Молчите, жизнь моя!

Сэр Питер Тизл (выглядывая). А вы уверены, что модисточка не разболтает?

Джозеф Сэрфес. Назад, назад, милый сэр Питер! — Ей-богу, я жалею, что у меня нет ключа!

Входит Чарлз Сэрфес.

Чарлз Сэрфес. Послушай, братец, что это значит? Твой человек не хотел меня пускать. Или у тебя сидел еврей какой-нибудь, или красотка?

Джозеф Сэрфес. Никого такого не было, уверяю тебя.

Чарлз Сэрфес. А почему удрал сэр Питер? Ведь он как будто был тут?

Джозеф Сэрфес. Был; но, услыхав, что ты пришел, предпочел уйти.

Чарлз Сэрфес. Уж не испугался ли старик, что я попрошу у него денег?

Джозеф Сэрфес. Нет, сэр. Но мне очень грустно было узнать, Чарлз, что за последнее время ты причиняешь этому достойному человеку очень много огорчений.

Чарлз Сэрфес. Да, говорят, я их причиняю очень многим достойным людям. Но что случилось, скажи пожалуйста?

Джозеф Сэрфес Сказать тебе откровенно, брат,—он подозревает, что ты пытаешься отвоевать у него сердце леди Тизл.

Чарлз Сэрфес. Кто? Я? О господи, только не я, честное слово! Ха-ха-ха! Так, значит, старик догадался, что взял молодую жену, так, что ли? Или, чего доброго, леди Тизл догадалась, что у нее старый муж?

Джозеф Сэрфес. Это не тема для шуток, брат. Человек, который способен смеяться...

Чарлз Сэрфес. Верно, верно все, что ты скажешь... Нет, серьезно же, мне и в голову не приходило ничего похожего, честное слово.

Джозеф Сэрфес (громко). Ну, что ж, сэр Питер будет очень рад услышать это.

Чарлз Сэрфес. Правда, мне одно время казалось, что я ей нравлюсь. Но, клянусь, я, со своей стороны, не сделал ни одного шага... Притом же, ты знаешь мое чувство к Мэрайе.

Джозеф Сэрфес. И я уверен, брат, что даже если бы леди Тизл воспытала к тебе самой безумной страстью...

Чарлз Сэрфес. Видишь ли, Джозеф, мне кажется, я никогда бы не совершил обдуманно бесчестного поступка. Но если бы хорошенькая женщина сама бросилась мне навстречу и если бы эта хорошенькая женщина была замужем за человеком, который годился бы ей в отцы...

Джозеф Сэрфес. Тогда...

Чарлз Сэрфес. Тогда, я думаю, мне пришлось бы под занять у тебя малую толику нравственности, вот и все. Но только знаешь, брат, я до крайности удивлен, что, говоря о леди Тизл, ты называешь меня. Я, признаюсь, всегда считал тебя ее фаворитом.

Джозеф Сэрфес. Чарлз, и тебе не стыдно! Что за глупая выходка!

Чарлз Сэрфес. Да нет же, я видел сам, как вы обменивались такими выразительными взглядами...

Джозеф Сэрфес. Нет, нет, сэр, этим не шутят.

Чарлз Сэрфес. Ей-богу, я говорю серьезно. Помнишь, раз, когда я зашел сюда...

Джозеф Сэрфес. Чарлз, я прошу тебя...

Чарлз Сэрфес. И застал вас вдвоем...

Джозеф Сэрфес. Чорт возьми, сэр! Я повторяю...

Чарлз Сэрфес. И другой раз, когда твой слуга...

Джозеф Сэрфес. Брат, брат, послушай! (В сторону.) Как мне его остановить?

Чарлз Сэрфес. Предупрежденный о том, что...

Джозеф Сэрфес. Тш! Ты меня извини, но сэр Питер слышал все, что мы говорили. Я знал, что ты оправдаешь себя, иначе я ни за что бы не согласился.

Чарлз Сэрфес. Как? Сэр Питер? Но где же он?

Джозеф Сэрфес. Тише! Он там (указывает на чулан).

Чарлз Сэрфес. Честное слово, я его раздобуду! Сэр Питер, пожалуйте сюда.

Джозеф Сэрфес. Нет, нет...

Чарлз Сэрфес. Вы слышите, сэр Питер? Пожалуйте к ответу! (Вытаскивает сэра Питера.) Как? Мой старый опекун? Превратился в инквизитора и ведет следствие исподтишка?

Сэр Питер Тизл. Дайте мне вашу руку, Чарлз! Я вижу, что подозревал вас напрасно. Но только не сердитесь на Джозефа: это я придумал.

Чарлз Сэрфес. Вот как!

Сэр Питер Тизл. Я считаю вас оправданным. Даю вам слово, я теперь гораздо лучшего мнения о вас. То, что я слышал, доставило мне величайшее удовольствие.

Чарлз Сэрфес (*тихо Джозефу*). Ваше счастье, что вы не услышали больше,— правда, Джозеф?

Сэр Питер Тизл. Вы уже собирались перейти к нападению.

Чарлз Сэрфес. Что вы, что вы, это я шутил.

Сэр Питер Тизл. Ну, еще бы, я слишком уверен в его чести.

Чарлз Сэрфес (*тихо Джозефу*). В сущности, вы с таким же правом могли бы заподозрить его, как и меня,— правда, Джозеф?

Сэр Питер Тизл. Полно, полно, я вам верю.

Джозеф Сэрфес (*в сторону*). Хоть бы они убрались поскорее!

Входит слуга и говорит на ухо Джозефу Сэрфесу.

Сэр Питер Тизл. И в будущем, я надеюсь, мы с вами сойдемся поближе.

Джозеф Сэрфес. Вы меня извините, господа, но я должен попросить вас спуститься вниз. Ко мне пришли по делу.

Чарлз Сэрфес. Ну, так поговорите в другой комнате. Мы с сэром Питером давно не виделись, и мне надо кое-что ему сказать.

Джозеф Сэрфес (*в сторону*). Их нельзя оставлять вдвоем.—Я отошлю этого человека и сейчас же вернусь. (*Уходя, тихо сэру Питеру.*) Сэр Питер, ни слова о модисточке!

Сэр Питер Тизл (*тихо Джозефу*). Я? Никогда в жизни!

Джозеф уходит.

Ах, Чарлз, если бы вы теснее общались с вашим братом, то в самом деле была бы надежда, что вы исправитесь. Это человек возвышенных чувств. Да, нет ничего на свете благороднее, чем человек возвышенных чувств!

Чарлз Сэрфес. Нет, знаете, слишком уж он добродетелен, и так дорожит своим добрым именем, как он это называет, что скорее поселит у себя священника, чем женщину.

Сэр Питер Тизл. Нет, нет, полноте, вы к нему несправедливы. Нет, нет! Джозеф, конечно, не развратник, но все-таки и не такой уж святой в этом отношении. (*В сторону.*) Ужасно мне хочется ему сказать! Вот бы мы потешились над Джозефом!

Чарлз Сэрфес. Какое там! Это форменный анахорет, молодой отшельник.

Сэр Питер Тизл. Послушайте, вы его не обижайте. Он может об этом узнать, уверяю вас.

Чарлз Сэрфес. Не вы же ему расскажете?

Сэр Питер Тизл. Нет, но... все-таки. (В сторону.) Ей-богу, я ему скажу.—Послушайте, хотите здорово потешиться над Джозефом?

Чарлз Сэрфес. Ничего на свете так бы не хотел.

Сэр Питер Тизл. Ну, так мы уж потешимся! Я ему отплачу за то, что он меня выдал.—Когда я к нему пришел, у него была девица.

Чарлз Сэрфес. Как? У Джозефа? Вы шутите.

Сэр Питер Тизл. Тш!. Француженка, модисточка... И что самое забавное—она сейчас в этой комнате.

Чарлз Сэрфес. Да где же, чорт!

Сэр Питер Тизл. Тш! Я вам говорю. (Показывает на ширму.)

Чарлз Сэрфес. За ширмой! Извлечь ее оттуда!

Сэр Питер Тизл. Нет, нет... Он идет... Оставьте, честное слово!

Чарлз Сэрфес. Нет, мы должны взглянуть на модисточку!

Сэр Питер Тизл. Умоляю вас... Джозеф мне этого никогда не простит...

Чарлз Сэрфес. Я возьму на себя...

Сэр Питер Тизл. Да вот и он! Послушайте!..

Джозеф Сэрфес входит как раз в тот миг, когда
Чарлз Сэрфес опрокидывает ширму.

Чарлз Сэрфес. Леди Тизл! О, чудеса!

Сэр Питер Тизл. Леди Тизл! О, проклятие!

Чарлз Сэрфес. Сэр Питер, это одна из очаровательнейших француженок-модисточек, которых я когда-либо встречал. Ей-богу, вы тут все как будто играли в прятки, но мне неясно, кто, собственно, от кого прятался.—Могу я просить вашу милость объяснить мне? Ни слова!—Брат, не ответишь ли ты на мой вопрос? Что это? Нравственность охемела тоже?—Сэр Питер, я застал вас во мраке, но, может быть, теперь он рассеялся для вас? Все безмолвствуют.—Ну, что ж, если для меня все это остается загадкой, я надеюсь, что вы-то отлично друг друга понимаете. Поэтому предлагаю вас самим себе. (Уходя.) Брат, мне очень грустно видеть, что ты причинил этому достойному человеку такое огорчение.—Сэр Питер, нет ничего на свете благороднее, чем человек возвышенных чувств! (Уходит.)

Остальные молча смотрят друг на друга.

Джозеф Сэрфес. Сэр Питер... хотя, конечно... я не отрицаю... видимость против меня... однако, если вы согласны меня выслушать... я не сомневаюсь... что мои объяснения... вполне вас удовлетворят.

Сэр Питер Тизл. Прошу вас, сэр.

Джозеф Сэрфес. Дело в том, сэр, что леди

Тизл, зная мои намерения относительно вашей воспитанницы, Мэрайи... я хочу сказать, сэр, что леди Тизл, опасаясь проявлений вашей ревности... и зная мое дружественное расположение к вашему семейству... она, сэр, я хочу сказать... пришла сюда... для того, чтобы... я объяснил эти намерения... но при вашем появлении... опасаясь... как я сказал... вашей ревности... она скрылась... и это, даю вам слово, все, что было в действительности.

Сэр Питер Тизл. Очень ясный отчет, несомненно. И я ручаюсь, что эта дама подтвердит каждый его пункт.

Леди Тизл. Ни единого слова, сэр Питер!

Сэр Питер Тизл. Как так? Почему вы не расписываетесь в этой лжи?

Леди Тизл. В том, что этот господин вам сказал, нет ни слога правды.

Сэр Питер Тизл. Охотно верю, сударыня!

Джозеф Сэрфес (тихо). Чорт возьми, сударыня, вы хотите меня предать?

Леди Тизл. Господин Лицемер, разрешите мне сказать самой.

Сэр Питер Тизл. Не мешайте ей, сэр. Она вам сочинит историю удачнее вашей, и без суфлера.

Леди Тизл. Выслушайте меня, сэр Питер! Я пришла сюда не по делам вашей воспитанницы, и даже не зная, что этот господин имеет на нее какие-то виды. Я пришла, соблазненная его коварными увещаниями,

готовая внимать его мнимой страсти, а то и принести в жертву его низости вашу честь.

Сэр Питер Тизл. Теперь как будто правда выясняется!

Джозеф Сэрфес. Эта женщина сошла с ума!

Леди Тизл. Нет, сэр, к ней вернулся ее рассудок, и вы сами этому помогли своим искусством. Сэр Питер, вы, конечно, можете мне не верить, но ваша нежность ко мне, которой я была невольной свидетельницей, так глубоко проникла мне в сердце, что, если бы я ушла отсюда, избегнув этого позорного разоблачения, моя будущая жизнь доказала бы, насколько искрenna моя благодарность. А что до этого сладкоречивого лицемера, который пытался обольстить жену своего не в меру доверчивого друга и в то же время почтительно ухаживал за его воспитанницей, то для меня он предстал в таком постыдном свете, что я, которая слушала его, не могу больше себя уважать. (Уходит.)

Джозеф Сэрфес. Невзирая на все это, сэр Питер, небо свидетель...

Сэр Питер Тизл. Что вы подлец! И я вас оставляю наедине с вашей совестью.

Джозеф Сэрфес. Вы слишком поспешны, сэр Питер. Вы должны меня выслушать. Человек, который, не желая удостовериться, отказывает...

Сэр Питер и Джозеф Сэрфес уходят, продолжая говорить.

Действие пятое

ЯВЛЕНИЕ I

В БИБЛИОТЕКЕ

Входят Джозеф Сэрфес и слуга.

Джозеф Сэрфес. Мистер Стенли? А откуда ты взял, что я хочу его видеть? Ты же должен был понять, что он явился с какой-нибудь просьбой!

Слуга. Сэр, я бы его не впустил, но с ним пришел этот мистер Раули.

Джозеф Сэрфес. Вот болван! Как будто я сейчас расположен принимать бедных родственников! Тогда почему же ты не просишь его сюда?

Слуга. Сию минуту, сэр. Ей-богу, сэр, я не виноват, что сэр Питер обнаружил миледи...

Джозеф Сэрфес. Убирайся, дурак!

Слуга уходит.

Нет, никогда еще судьба так не шутила с умным чело-

веком! Мои отношения с сэром Питером, мои надежды на Мэрайю — все рухнуло в единый миг! На редкость подходящая минута, чтобы выслушивать чужие печали! У меня не найдется для Стенли даже сочувственных слов. Вот он идет, и Раули с ним. Мне надо все-таки собраться с мыслями и навести на лицо хоть чуточку сострадания. (Уходит.)

Входят сэр Оливер Сэрфес и Раули.

Сэр Оливер Сэрфес. Что это? Он не хочет нас видеть? Это был он или нет?

Раули. Это он, сэр. Но, я боюсь, вы явились слишком уж неожиданно. Он такой слабонервный, что вид бедного родственника ему не по силам. Мне бы следовало сперва его подготовить.

Сэр Оливер Сэрфес. Чорта мне его нервы! И это его сэр Питер превозносит, как человека самого сострадательного образа мыслей!

Раули. Насчет его образа мыслей я не берусь судить. Надо отдать ему справедливость, что умозрительного сострадания у него не меньше, чем у любого джентльмена в королевстве, хотя он редко нисходит до того, чтобы давать ему чувственное применение.

Сэр Оливер Сэрфес. А между тем у него полны ладони сердобольных изречений.

Раули. Или, вернее, полон рот, сэр Оливер. Самое заветное его изречение, по-моему: «Прежде чем помочь другому, своему помог бы дому».

Сэр Оливер Сэрфес. И его помощь, повидимому, такая домоседка, что никогда не выходит со двора.

Раули. Я думаю, вы в этом убедитесь. Но вот и он. Не буду вам мешать. Так значит, как только вы с ним расстанетесь, я вернусь доложить о вашем приезде уже по-настоящему.

Сэр Оливер Сэрфес. Да; а затем мы встретимся у сэра Питера.

Раули. Не теряя ни минуты. (Уходит.)

Сэр Оливер Сэрфес. Не нравится мне его сладкая физиономия.

Входит Джозеф Сэрфес.

Джозеф Сэрфес. Сэр, я приношу вам десять тысяч извинений в том, что заставил вас минуточку подождать. Мистер Стенли, если не ошибаюсь?

Сэр Оливер Сэрфес. К вашим услугам.

Джозеф Сэрфес. Сэр, я надеюсь, вы окажете мне честь и присядете. Прошу вас, сэр.

(В сторону.) Уж слишком он любезен.

Джозеф Сэрфес. Я не имею удовольствия быть с вами знакомым, мистер Стенли. Но я крайне счастлив видеть вас в добром здоровье. Ведь вы приходите близким родственником моей покойной матери, мистер Стенли?

Сэр Оливер Сэрфес. Да, сэр. Настолько близ-

ким, что теперешняя моя бедность, я боюсь, может повредить доброй славе ее богатых детей,—иначе я никогда не позволил бы себе вас беспокоить.

Джозеф Сэрфес. Дорогой сэр, вы можете не оправдываться. Тот, кто находится в бедственном положении, даже если это посторонний человек, имеет право на братскую помощь богатых. Я был бы рад принадлежать к их числу и иметь возможность предложить вам хотя бы скромную поддержку.

Сэр Оливер Сэрфес. Если бы ваш дядя, сэр Оливер, был здесь, у меня был бы друг.

Джозеф Сэрфес. Я был бы рад, если бы он был здесь, сэр, от всей души. У вас нашелся бы ходатай перед ним, поверьте мне, сэр.

Сэр Оливер Сэрфес. Я не нуждался бы в ходатае, за меня заступились бы мои несчастья. Но я надеялся, что его щедрость позволит вам стать орудием его доброты.

Джозеф Сэрфес. Дорогой мой сэр, вы были весьма превратно осведомлены. Сэр Оливер — достойный человек, очень достойный человек. Но скопость, мистер Стенли, порок преклонных лет. Сказать откровенно, дорогой мой сэр, между нами,—то, что он сделал для меня, это ровным счетом ничего. Хотя люди, я знаю, говорили другое, и я, со своей стороны, никогда не опровергал этих рассказней.

Сэр Оливер Сэрфес. Как? Неужели он никогда не присыпал вам слитков, рупий, пагод?

Джозеф Сэрфес. Что вы, дорогой сэр, ничего подобного! Нет, нет, маленькие подарки время от времени — фарфор, шали, чай, певчие птицы, индийское печенье,— только и всего, уверяю вас.

Сэр Оливер Сэрфес (*в сторону*). Вот вам благодарность за двенадцать тысяч фунтов! — Певчие птицы и индийское печенье!

Джозеф Сэрфес. И потом, дорогой мой сэр, вы, я полагаю, слышали о расточительном образе жизни моего брата. Мало кто поверит, чего я только не делал для этого несчастного юноши!

Сэр Оливер Сэрфес (*в сторону*). Уж я-то ни в коем случае!

Джозеф Сэрфес. Какими суммами я его *ссужал*! Конечно, я заслуживаю всяческого порицания. Это была душевная слабость. Во всяком случае я не вправе ее защищать, а сейчас я чувствую себя вдвойне виновным, потому что она лишила меня удовольствия оказать вам ту услугу, мистер Стенли, которую мне подсказывает мое сердце.

Сэр Оливер Сэрфес (*в сторону*). Притворщик! — Так значит, сэр, вы не можете мне помочь?

Джозеф Сэрфес. В настоящее время,— мне больно это сказать,— не могу. Но как только я получу к тому возможность, смею вас уверить, вы обо мне услышите.

Сэр Оливер Сэрфес. Я крайне сожалею...

Джозеф Сэрфес. И я не меньше вашего,

верьте. Сострадать, нё имея способов помочь, еще мучительнее, чем просить и встретить отказ.

Сэр Оливер Сэрфес. Любезный сэр, ваш нижайший покорнейший слуга.

Джозеф Сэрфес. Я расстаюсь с вами глубоко огорченным, мистер Стенли. Уильям, выйди открыть дверь.

Сэр Оливер Сэрфес. Ах, пожалуйста, без церемоний.

Джозеф Сэрфес. Ваш покорнейший.

Сэр Оливер Сэрфес. Сэр, ваш преданнейший.

Джозеф Сэрфес. Смею вас уверить, что вы обо мне услышите, как только я получу возможность быть к вашим услугам.

Сэр Оливер Сэрфес. Милейший сэр, вы, право, слишком добры!

Джозеф Сэрфес. Тем временем, желаю вам здоровья и бодрости.

Сэр Оливер Сэрфес. Ваш вечно признателный и неизменно покорный слуга.

Джозеф Сэрфес. Столь же искренне ваш, сэр.

Сэр Оливер Сэрфес (в сторону). Чарлз, ты мой наследник! (Уходит.)

Джозеф Сэрфес. Вот чем плоха хорошая репутация: всякие несчастные докучают просьбами, и требуется большая ловкость, чтобы прослыть сострадательным человеком, не входя в расходы. Чистое серебро доброты — убыточная статья в расписании наших до-

стойств, тóгда как французский металл хбрóших слóв, которым я его заменяю, так же красив на вид и не облагается пошлиной.

Входит Раули.

Раули. Мистер Сэрфес, мое почтение. Я не хотел мешать вашей беседе, хотя дело у меня спешное, как вы можете увидеть из этого письма.

Джозеф Сэрфес. Всегда рад мистеру Раули. (Читает письмо.) Сэр Оливер Сэрфес! Мой дядя приехал!

Раули. Приехал, да. Я только что от него. В добром здоровье, после безостановочного путешествия, и жаждет обнять своего достойного племянника.

Джозеф Сэрфес. Я поражен! Уильям, задержи мистера Стенли, если он еще не ушел.

Раули. О, его уже не догнать, я думаю.

Джозеф Сэрфес. Почему вы мне ничего не сказали, как только вошли с ним сюда?

Раули. Я думал, у вас неотложные дела. Однако мне пора итти сообщить вашему брату и просить его явиться к вам, чтобы встретиться с дядей. Сэр Оливер будет у вас через четверть часа.

Джозеф Сэрфес. Да, так он пишет. Ах, я страшно счастлив, что он приехал. (В сторону.) Вот уж некстати его принесло!

Раули. Вам приятно будет посмотреть, какой у него отличный вид!

Джозеф Сэрфес. Как я рад это слышать!
(В сторону.) Именно теперь!

Раули. Я ему скажу, с каким нетерпением вы его ждете.

Джозеф Сэрфес. Да, да. И, пожалуйста, засвидетельствуйте ему мое уважение и любовь. Я просто не могу выразить, каких чувств я полон при мысли, что увижу его!

Раули уходит.

То, что он приехал именно теперь, это поистине жесточайшая из всех моих неудач! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ II

У СЭРА ПИТЕРА ТИЭЛ

Входят миссис Кэндэр и горничная.

Горничная. Уверяю вас, сударыня, миледи никого не желает видеть сейчас.

Миссис Кэндэр. Да вы ей сказали, что это ее друг миссис Кэндэр?

Горничная. Да, сударыня. Но она просит вас извинить ее.

Миссис Кэндэр. Сходите еще раз, я была бы рада повидать ее хотя бы одну минуту, потому что она наверно в большом отчаянии.

Горничная уходит.

Боже, до чего это возмутительно! Я не знаю даже половины всех подробностей! Вся эта история появится в газетах, с полными именами участников, прежде чем я успею заехать с нею хотя бы в двенадцать домов.

Входит сэр Бенджемин Бэкбайт.

О, сэр Бенджемин! Я надеюсь, вы слышали...

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Насчет леди Тизл и мистера Сэрфеса...

Миссис Кэндэр. И как сэр Питер их накрыл...

Сэр Бенджемин Бэкбайт. О, поразительнейший случай, честное слово!

Миссис Кэндэр. Я никогда в жизни не была так удивлена. И мне их всех ужасно жалко.

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Ах, сэра Питера мне нисколько не жаль. Он был совершенно ослеплен мистером Сэрфесом.

Миссис Кэндэр. Мистером Сэрфесом? Да ведь это он с Чарлзом застал ее.

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Да нет же, уверяю вас, кавалером был мистер Сэрфес.

Миссис Кэндэр. Ничего подобного! Это Чарлз. Мистер Сэрфес сам привел сэра Питера, чтобы тот их накрыл.

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Поверьте, я знаю это от особы...

Миссис Кэндэр. А я знаю от особы...

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Которая знает от особы, которая знает от...

Миссис Кэндэр. От особы, которая непосредственно... Но вот и леди Снируэл; быть может, она точнее осведомлена.

Входит леди Снируэл.

Леди Снируэл. Ах, дорогая миссис Кэндэр, какая неприятная история с нашим другом леди Тизл!

Миссис Кэндэр. Да, дорогой мой друг, кто бы мог подумать...

Леди Снируэл. Вот как внешность бывает обманчива! Хотя, говоря откровенно, она всегда казалась мне чересчур порывистой.

Миссис Кэндэр. Безусловно, она себя держала слишком уж свободно. Но ведь она была так молода!

Леди Снируэл. И все-таки у нее были некоторые хорошие стороны.

Миссис Кэндэр. Да, безусловно. А подробности вы знаете?

Леди Снируэл. Нет. Но все говорят, что мистер Сэрфес...

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Вот видите! Я вам говорил, что это мистер Сэрфес.

Миссис Кэндэр. Нет, нет. Свидание у нее было с Чарлзом.

Леди Снируэл. С Чарлзом? Миссис Кэндэр, вы меня пугаете!

Миссис Кэндэр Да, да, это он был ее любовником. Мистер Сэрфес, если говорить правду, был только осведомителем.

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Не стану с вами спорить, миссис Кэндэр. Но во всяком случае я надеюсь, что рана сэра Питера не настолько...

Миссис Кэндэр. Рана сэра Питера! О господи! Я ни слова не слышала о том, чтобы они дрались.

Леди Снируэл. И я ни звука не слышала.

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Как? Вы ничего не слышали про дуэль?

Миссис Кэндэр. Ни слова.

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Ну, как же! Они дрались, не выходя из комнаты.

Леди Снируэл. Ах, расскажите, пожалуйста!

Миссис Кэндэр. Да, все, что вам известно про дуэль.

Сэр Бенджемин Бэкбайт. «Сэр,— говорит сэр Питер, как только он их застиг вдвоем,— вы неблагодарнейшая личность».

Миссис Кэндэр. Это он говорит Чарлзу...

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Нет, нет, это он говорит мистеру Сэрфесу. «Неблагодарнейшая личность. И хоть я,— говорит,— старый человек, сэр, я требую немедленной сatisfакции».

Миссис Кэндэр. Нет, это он, конечно, сказал Чарлзу. Не может быть, чтобы мистер Сэрфес стал драться у себя дома.

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Да нет же, сударыня, ничего подобного! «Требую от вас немедленной сатисфакции». Тогда, сударыня, леди Тизл, видя сэра Питера в такой опасности, выбегает из комнаты в отчаянной истерике, а за ней Чарлз, крича, чтобы дали воды и нашатырного спирта. И тут, сударыня, они начали драться на шпагах...

Входит Крэбтри.

Крэбтри. На пистолетах, племянник, на пистолетах. Я это знаю из вернейших рук.

Миссис Кэндэр. Ах, мистер Крэбтри, значит, все это правда?

Крэбтри. Истинная правда, сударыня, и сэр Питер опасно ранен...

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Выпадом в *терц*¹, в левый бок с выходом насквозь...

Крэбтри. Пулей в грудь.

Миссис Кэндэр. Господи боже! Бедный сэр Питер!

Крэбтри. Да, сударыня. Хотя Чарлз уклонился бы от поединка, если бы мог.

Миссис Кэндэр. Ведь я же говорила, что это Чарлз!

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Я вижу, мой дядюшка ничего не знает.

¹ Терц — один из фехтовальных приемов.

Крэбтри. Но сэр Питер бросил ему обвинение в самой подлой неблагодарности.

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Это и я говорил, вы помните...

Крэбтри. Дай же мне сказать, племянник!.. И потребовал немедленной...

Сэр Бенджемин Бэкбайт. То же самое, что говорил я...

Крэбтри. Чорт побери, племянник, позволь же и другим кое-что знать. На столе лежала пара пистолетов (потому что, говорят, мистер Сэрфес вернулся накануне поздно вечером из Солтхилля, куда он ездил на школьный праздник с одним своим приятелем, у которого сын учится в Итоне), и, к несчастью, пистолеты остались не разряженны.

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Ничего такого я не слышал.

Крэбтри. Сэр Питер заставил Чарлза взять один из них, и они выстрелили друг в друга, говорят, почти одновременно. Чарлз попал именно так, как я уже докладывал, а сэр Питер промахнулся. Но что удивительно, пуля ударила в маленького бронзового Шекспира на камине, отскочила под прямым углом, пробила окно и ранила почтальона, который как раз подходил к дверям с заказным письмом из Норсэмптоншира.

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Дядюшкин отчет обстоятельнее, но спорю. И все-таки я считаю, что истина соответствует мой.

Леди Снируэл (в сторону). Все это касается меня ближе, чем они думают, и я должна раздобыть более точные сведения. (Уходит.)

Сэр Бенджемин Бэкбайт. О, тревога леди Снируэл легко объяснима.

Крабтри. Да, я знаю, говорят... Но не все ли нам равно?

Миссис Кэндэр. А скажите, пожалуйста, где же сэр Питер сейчас?

Крабтри. О, его отвезли домой, и он сейчас здесь, хотя слугам велено это скрывать.

Миссис Кэндэр. Вернее всего, что так, и леди Тизл, я полагаю, за ним ухаживает.

Крабтри. Да, да; и как раз передо мной сюда вошел доктор.

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Смотрите, а это кто идет?

Крабтри. Да это он и есть, доктор, несомненно.

Миссис Кэндэр. О, разумеется. Это, конечно, доктор. И сейчас мы все узнаем.

Входит сэр Оливер Сэрфес.

Крабтри. Ну, как, доктор? Каковы надежды?

Миссис Кэндэр. Ради бога, доктор, ну, как ваш пациент?

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Скажите, доктор, ведь он ранен шпагой?

Крэбтри. Пуля в грудной клетке, пари на сто фунтов!

Сэр Оливер Сэрфес. Доктор? Ранен шпагой? И пуля в грудной клетке? Да вы с ума сошли, дорогие мои?

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Может быть, сэр, вы вовсе не доктор?

Сэр Оливер Сэрфес. Если я доктор, то этой ученой степенью я обязан вам.

Крэбтри. Так вы, повидимому, просто приятель сэра Питера. Но вы все-таки слышали про его несчастье?

Сэр Оливер Сэрфес. Ни единого слова.

Крэбтри. Что он опасно ранен?

Сэр Оливер Сэрфес. Какого там черта ранен!

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Пронзен шпагой нас kvозь...

Крэбтри. Пулей в грудь...

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Некоим Сэрфесом...

Крэбтри. То есть младшим.

Сэр Оливер Сэрфес. Вы, я вижу, весьма расходитесь в ваших показаниях. Но вы, однажде, согласны в том, что сэр Питер опасно ранен?

Сэр Бенджемин Бэкбайт. О да, в этом мы согласны.

Крэбтри. Да, да, это, я полагаю, не подлежит сомнению.

Сэр Оливер Сэрфес. В таком случае, для че-

ловека в его положении он, честное слово, ведет себя на редкость неосторожно: потому что вот он идет, шагая, как ни в чем не бывало.

Входит сэр Питер Тизл.

Видит бог, сэр Питер, вы явились во-время, уверяю вас. А то мы уже собирались вас похоронить.

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Смотрите, дядюшка, какое внезапное выздоровление!

Сэр Оливер Сэрфес. Послушайте, любезнейший, как же это вы разгуливаете, пронзенный шпагой и с пулей в грудной клетке?

Сэр Питер Тизл. Шпагой? И с пулей?

Сэр Оливер Сэрфес. Да, да, вот эти господа чуть не умертвили вас без суда и лекарств и хотели произвести меня в доктора, чтобы я попал в соучастники.

Сэр Питер Тизл. Что все это значит?

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Мы очень счастливы, сэр Питер, что история с дуэлью не подтвердила, и непрятворно огорчены другим несчастием, которое вас постигло.

Сэр Питер Тизл (*в сторону*). Так и есть! Уже весь город знает.

Краббтри. Хотя, конечно, сэр Питер, с вашей стороны было крайне неосмотрительно жениться в ваши годы.

Сэр Питер Тизл. Сэр, какое вам дело до этого?

Миссис Кэндэр. Хотя сэр Питер был таким хорошим мужем, что его, право же, очень жаль.

Сэр Питер Тизл. Чорта мне в вашей жалости, сударыня! Я не нуждаюсь в ней.

Сэр Бенджемин Бэкбайт. Но все-таки, сэр Питер, вы не должны сердиться на подсмеивания и подслушивания, которые вас ждут по этому случаю.

Сэр Питер Тизл. Милостивый государь, у себя в доме я желаю быть хозяином.

Крэбтри. Утешайтесь тем, что это случается со многими.

Сэр Питер Тизл. Я требую, чтобы меня оставили в покое! Без дальних слов, я требую, чтобы вы немедленно покинули мой дом!

Миссис Кэндэр. Хорошо, хорошо, мы удаляемся, и не сомневайтесь, что мы постараемся представить все это в наилучшем свете. (Уходит.)

Сэр Питер Тизл. Вон из моего дома!

Крэбтри. И расскажем, как дурно с вами обошлись. (Уходит.)

Сэр Питер Тизл. Вон из моего дома!

Сэр Бенджемин Бэкбайт. И как терпеливо вы это переносите. (Уходит.)

Сэр Питер Тизл. Дьяволы! Гадюки! Фурии! Чтоб им захлебнуться своим же ядом!

Сэр Оливер Сэрфес. Это, действительно, несносная публика, сэр Питер.

Входит Раули.

Раули. Я тут слышу крупный разговор. Что это вы расходились, сэр?

Сэр Питер Тизл. А, чего там спрашивать! Разве бывает у меня хоть день спокойный?

Раули. Да я не любопытен.

Сэр Оливер Сэрфес. Ну, так вот, сэр Питер: я повидал обоих моих племянников тем самым способом, как мы задумали.

Сэр Питер Тизл. Драгоценная парочка, не правда ли?

Раули. Да, и сэр Оливер убедился, что ваша оценка была справедлива, сэр Питер.

Сэр Оливер Сэрфес. Да, я нахожу, что Джозеф и впрямь настоящий человек, что ни говорите.

Раули. И, как сэр Питер говорит, человек благородных правил.

Сэр Оливер Сэрфес. И с ними он сообразует свои поступки.

Раули. Поучительно слушать, как он рассуждает.

Сэр Оливер Сэрфес. О, это образец для молодых людей нашего времени! Но что это значит, сэр Питер? Вы, вопреки моему ожиданию, не присоединяйтесь к нашим похвалам вашему другу Джозефу?

Сэр Питер Тизл. Сэр Оливер, мы живем в чертовски скверном мире, и чем меньше мы хвалим, тем лучше.

Раули. Как? И это говорите вы, сэр Питер, вы, который никогда в жизни не ошибались?

Сэр Питер Тизл. Ну вас обоих! Я вижу по вашему зубоскальству, что вам все уже известно. Я с вами тут с ума сойду!

Раули. Действительно, сэр Питер, чтобы вас не мучить дольше, мы должны сознаться, что знаем все. Я встретил леди Тизл, когда она шла от мистера Сэрфеса. Она была так расстроена, что просила меня заступиться за нее перед вами.

Сэр Питер Тизл. И сэр Оливер тоже все знает?

Сэр Оливер Сэрфес. Во всех подробностях.

Сэр Питер Тизл. Как? И про чулан? И про ширму?

Сэр Оливер Сэрфес. Да, да, и про модисточку-француженку. О, до чего эта история меня позабавила! Ха-ха-ха!

Сэр Питер Тизл. Это было очень смешно.

Сэр Оливер Сэрфес. Я в жизни так не смеялся, уверяю вас, ха-ха-ха!

Сэр Питер Тизл. Да, забавнейший случай! Ха-ха-ха!

Раули. И Джозеф со своими правилами, ха-ха-ха!

Сэр Питер Тизл. Вот именно, со своими правилами. Ха-ха-ха! Лицемер несчастный!

Сэр Оливер Сэрфес. И как этот мошенник Чарлз тащил сэра Питера из чулана, ха-ха-ха!

Сэр Питер Тизл. Ха-ха! Это было довольно занятно, честное слово!

Сэр Оливер Сэрфес. Ха-ха-ха! Ей-богу, сэр

Питер, хотелось бы мне видеть ваше лицо, когда упада ширма, ха-ха!

Сэр Питер Тизл. Вот именно, мое лицо, когда упада ширма, ха-ха-ха! Куда я теперь сунусь с моей головой!

Сэр Оливер Сэрфес. Нет, конечно, нехорошо смеяться над вами, мой старый друг; но, честное слово, я не в силах удержаться.

Сэр Питер Тизл. Ах, пожалуйста, потешайтесь надо мной, сколько вам угодно! Мне это решительно все равно! Я и сам хохочу над всей этой историей. Да, да, по-моему, замечательно приятно быть посмешищем своих знакомых. О да, и затем в одно прекрасное утро прочесть в газетах про мистера С., леди Т. и сэра П.— как это будет весело!

Раули. Откровенно говоря, сэр Питер, какое вам дело до насмешек дураков! Но я вижу— леди Тизл прошла в соседнюю комнату. Я уверен, что вы так же искренне хотите примирения, как и она.

Сэр Оливер Сэрфес. Может быть, я ее стесняю своим присутствием. Поэтому я оставлю честного Раули вашим посредником. Но пусть он, не мешкая, приведет вас всех к мистеру Сэрфесу, куда я сейчас отправляюсь, и если мне не удастся образумить зетреника, я, по крайней мере, изобличу лицемера.

Сэр Питер Тизл. О, я охотно посмотрю, как вы там откроете, кто вы такой,— хоть это и очень неудачное место для всякого рода открытий.

Раули. Мы скоро будем.

Сэр Оливер Сэрфес уходит.

Сэр Питер Тизл. И все-таки, Раули, она не идет.

Раули. Да, но дверь, как видите, она оставила открытой. Посмотрите, она плачет.

Сэр Питер Тизл. Ну, что же, легкое сокрушение женщины к лицу. Вы не думаете, что было бы полезно дать ей помучиться немного?

Раули. О, это с вашей стороны невеликодушно!

Сэр Питер Тизл. Я, право, не знаю, что и думать. Вы помните, как мне попало в руки ее письмо, несомненно написанное к Чарлзу?

Раули. Явная подделка, сэр Питер, нарочно вам подкинутая. Это один из тех вопросов, которые вам должен будет разъяснить Снейк.

Сэр Питер Тизл. Мне бы хотелось, наконец, успокоиться на этот счет. Она смотрит сюда. Как удивительно изящно она повернула голову! Раули, я к ней подойду.

Раули. Ну, разумеется.

Сэр Питер Тизл. Хотя, когда узнают, что мы помирились, надо мной будут в десять раз больше смеяться.

Раули. Пусть смеются, а в ответ на насмешки покажите людям, что вы счастливы им на зло.

Сэр Питер Тизл. Честное слово, я так и сде-

лаю! И, если я не ошибаюсь, мы еще можем стать счастливейшей четой во всей стране.

Раули. Знаете, сэр Питер, кто раз навсегда отбросил подозрения...

Сэр Питер Тизл. Довольно, господин Раули! Если вы хоть сколько-нибудь ко мне расположены, никогда не произносите в моем присутствии чего-либо похожего на изречение: я их наслышался столько, что мне их хватит до конца моих дней.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ III

В БИБЛИОТЕКЕ

Входят Джозеф Сэрфес и леди Снируэл.

Леди Снируэл. Нет, это просто неслыханно! Ведь теперь сэр Питер немедленно помирится с Чарльзом и, разумеется, не будет больше противиться его женитьбе на Мэрайе. От этой мысли я сойду с ума!

Джозеф Сэрфес. Гневом вы делу не поможете.

Леди Снируэл. Здесь ничто уже не поможет. О, какая я была дура, какая идиотка, что связалась с таким разиней!

Джозеф Сэрфес. Уверяю вас, леди Снируэл, что больше всех пострадал я сам. Однакоже, как видите, я спокоен.

Леди Снигуэл. Это потому, что разочарование не коснулось вашего сердца. Вас привязывали к Мэрайе одни только соображения выгоды. Если бы у вас были к ней такие же чувства, как у меня к этому неблагодарному повесе, то ни хладнокровие, ни притворство не помогли бы вам скрыть всю остроту вашего отчаяния.

Джозеф Сэрфес. Но почему в этой неудаче вы обвиняете именно меня?

Леди Снигуэл. А разве не вы причина всему? Втирать очки сэру Питеру, выживать брата — для вашей подлости это было слишком тесное поприще! Вам надо было еще соблазнить леди Тизл! Я ненавижу такую жадность к злодейству. Это бесчестное стяжательство, которое к добру не приводит.

Джозеф Сэрфес. Хорошо, я согласен допустить, что заслуживаю упреков. Я признаю, что отклонился от прямой дороги зла. И все-таки я не считаю, что мы потерпели такое уж окончательное поражение.

Леди Снигуэл. Как так?

Джозеф Сэрфес. Вы говорите, что еще раз беседовали со Снейком: что вы попрежнему в нем уверены.

Леди Снигуэл. Да, я в нем уверена.

Джозеф Сэрфес. И что он согласен, если потребуется, присягнуть и доказать, что Чарлз связан с вами клятвенным обещанием, чему служат подтверждением некоторые его письма к вам.

Леди Снигуэл. Это, действительно, могло бы спасти положение.

Джозеф Сэрфес. Ну, вот видите, еще не поздно.

Стучат в дверь.

Вы слышите? Это, должно быть, мой дядя сэр Оливер. Подождите в той комнате. Как только он уйдет, мы продолжим наше совещание.

Леди Снигуэл. А если и он все узнает?

Джозеф Сэрфес. О, этого я не боюсь. Сэр Питер уже из самолюбия будет держать язык за зубами, а слабую струнку сэра Оливера я и сам легко обнаружу, будьте покойны!

Леди Снигуэл. Я еще не разуверилась в ваших способностях. Только, когда будете хитрить, держитесь чего-нибудь одного. (Уходит.)

Джозеф Сэрфес. Хорошо, хорошо! Да, чего уж хуже, когда, после такого провала, тебя травит твой же сообщник! Во всяком случае репутация у меня настолько лучше, чем у Чарлза, что я несомненно... Вот так так!.. Это не сэр Оливер, а опять этот старикишка Стенли. И чорт его принес как раз теперь... Придет сэр Оливер и застанет его тут... и...

Входит сэр Оливер Сэрфес.

Послушайте, мистер Стенли, с чего это вы вернулись терзать меня как раз сегодня? Я не могу вас принять, честное слово.

Сэр Оливер Сэрфес. Сэр, я слышал, что ваш дядя Оливер должен быть здесь, и, хотя с вами он показал себя таким скрягой, я хочу все-таки попытаться прибегнуть к его помощи.

Джозеф Сэрфес. Сэр, сегодня вам нельзя здесь быть, поэтому прошу вас... Заходите в другой раз, и я обещаю вам, что вы не останетесь без поддержки.

Сэр Оливер Сэрфес. Нет, мне необходимо познакомиться с сэром Оливером.

Джозеф Сэрфес. Чорт побери, сэр! В таком случае я требую, чтобы вы немедленно покинули эту комнату.

Сэр Оливер Сэрфес. Нет, сэр...

Джозеф Сэрфес. Сэр, я требую. Уильям, сюда! Проводи этого господина. Сэр, вы сами меня вынуждаете... Сию же минуту!.. Это такая наглость! (Собирается его вытолкнуть.)

Входит Чарльз Сэрфес.

Чарльз Сэрфес. Вот так так! Что это значит? Что за дьявол, каким образом к вам попал мой маленький маклер? Послушай, братец, ты не ушиби мистера Примиэма.—Что случилось, милый человек?

Джозеф Сэрфес. Как? Он и у тебя уже успел побывать?

Чарльз Сэрфес. А то как же! Это, знаешь, честнейший маленький... Но скажи, Джозеф, неужели и ты занимал у него деньги?

Джозеф Сэрфес. Я? Занимал? Нет! Но только знаешь, брат, ведь мы ждем сэра Оливера каждую...

Чарлз Сэрфес. Правда, правда. Нельзя, чтобы Нолль застал тут нашего милого маклера, ни в коем случае.

Джозеф Сэрфес. А мистер Стенли настаивает...

Чарлз Сэрфес. Стенли? Да его же зовут Примиэм.

Джозеф Сэрфес. Нет, Стенли.

Чарлз Сэрфес. Нет, нет, Примиэм.

Джозеф Сэрфес. Э, не все ли равно, как его зовут, но только...

Чарлз Сэрфес. Да, да, Стенли или Примиэм, это безразлично, ты совершенно прав. У него наверно полсотни имен, не считая его прозвища в кофейне.

Стучат.

Джозеф Сэрфес. Чорт! Вот и сэр Оливер пришел. Мистер Стенли, я вас прошу...

Чарлз Сэрфес. Да, да, и я вас тоже прошу, мистер Примиэм...

Сэр Оливер Сэрфес. Господа...

Джозеф Сэрфес. Сэр, клянусь вам, что вы уйдете!

Чарлз Сэрфес. Да, долой его, без разговоров!

Сэр Оливер Сэрфес. Такое насилие...

Джозеф Сэрфес. Сэр, вы сами виноваты.

Чарлз Сэрфес. Долой его, и никаких.

Они выталкивают сэра Оливера.

Входят сэр Питер и леди Тизл, Мэрэйя и Раули.

Сэр Питер Тизл. Мой старый друг, сэр Оливер, что за чудеса? Почтительные племянники колотят своего дядюшку при первом же свидании?

Леди Тизл. Какое счастье, сэр Оливер, что мы подоспели вам на помощь!

Раули. Действительно, счастье. Потому что, как я вижу, сэр Оливер, под видом старого Стенли вы оказались довольно беззащитны.

Сэр Оливер Сэрфес. Под видом Примиэма точно так же. Бедствия старого родственника не исторгли ни шиллинга у этого сострадательного джентльмена. А сейчас мне чуть не пришлось еще хуже, чем моим предкам, и меня тоже собирались пристукнуть, но уже ни за грош.

Джозеф Сэрфес. Чарлз!

Чарлз Сэрфес. Джозеф!

Джозеф Сэрфес. Дело дрянь!

Чарлз Сэрфес. Действительно!

Сэр Оливер Сэрфес. Сэр Питер, друг мой, и вы, Раули, взгляните на этого моего старшего племянника. Вы знаете, как много я для него сделал; и вы также знаете, как я рад был думать, что половина моего состояния перейдет к нему. Судите же о моем разо-

чарований, когда я убедился, что в нем нет ни честности, ни доброты, ни благодарности.

Сэр Питер Тизл. Сэр Оливер, я бы удивился вашим словам, если бы сам не узнал на опыте, что это низкий, вероломный и лицемерный человек.

Леди Тизл. И если этот господин возражает против обвинения, то отзыв о нем могу дать и я.

Сэр Питер Тизл. В таком случае, мне кажется, добавлять нечего. Если он знает самого себя, наибольшей карой для него будет сознание, что его знает свет.

Чарлз Сэрфес (*в сторону*). Если так они разговаривают с воплощенной честностью, то что же они скажут мне сейчас?

Сэр Оливер Сэрфес. А что касается этого расточителя, вот этого его брата...

Чарлз Сэрфес (*в сторону*). Так, пришел и мой черед! Погубят меня проклятые портреты!

Джозеф Сэрфес. Сэр Оливер, дядя... Окажите мне честь меня выслушать.

Чарлз Сэрфес (*в сторону*). Ну, если Джозеф пойдет говорить, я еще успею собраться с мыслями.

Сэр Питер Тизл (*Джозефу*). Вы, повидимому, надеетесь оправдать себя полностью?

Джозеф Сэрфес. Да, безусловно.

Сэр Оливер Сэрфес. Отлично, сэр.—И вы тоже, я полагаю?

Чарлз Сэрфес. К сожалению, нет, сэр Оливер.

Сэр Оливер Сэрфес. Вот как? Повидимому, маленький Примиэм слишком хорошо знает ваши секреты?

Чарлз Сэрфес. Да, сэр. Но это секреты семейные, и их, знаете, лучше не касаться.

Раули. Полноте, сэр Оливер, вы же не можете относиться сурово к его проказам.

Сэр Оливер Сэрфес. Ни сурово, ни серьезно, по правде сказать. Знаете, сэр Питер, этот плут спалил мне всех своих предков: судей и генералов продавал аршинами, а старых теток дешевле битой посуды.

Чарлз Сэрфес. Конечно, сэр Оливер, я обошелся не слишком почтительно с фамильными холстами, это верно. Мои предки вправе привлечь меня к ответу, я не отрицаю. Но поверьте моей искренности, когда я вам скажу,— а я, честное слово, не стал бы притворяться,— что если я не подавлен изобличением моих сумасбродств, то это потому, что прежде всего я глубоко счастлив видеть вас, моего великодушного благодетеля.

Сэр Оливер Сэрфес. Чарлз, я тебе верю. Дай мне руку, вот так, еще раз. Плюгавый человечек над козеткой помирился с тобой.

Чарлз Сэрфес. В таком случае, сэр, я в еще большем долгу перед оригиналом.

Леди Тизл. И все-таки мне кажется, сэр Оливер, что среди нас есть кто-то, с кем Чарлзу еще больше хотелось бы помириться.

Сэр Оливер Сэрфес. О, я слышал об этой привязанности. И, с разрешения молодой особы, если я расцениваю правильно... этот румянец...

Сэр Питер Тизл. Ну, дитя мое, откройте ваши чувства!

Мэрайя. Сэр, я могу только сказать, что буду рада его счастью. Что же касается меня, то, каковы бы ни были мои права на его привязанность, я уступаю их той, у кого их больше.

Чарлз Сэрфес. Что это значит, Мэрайя?

Сэр Питер Тизл. Вот так так! Это что за новые загадки? Пока он казался неисправимым бездельником, вы никому, кроме него, не соглашались отдать свою руку. А теперь, когда он как будто готов исправиться, вы, как я вижу, не желаете его.

Мэрайя. Причину знают его сердце и леди Снируэл.

Чарлз Сэрфес. Леди Снируэл?

Джозеф Сэрфес. Брат, мне очень тягостно говорить об этом, но чувство справедливости заставляет меня, и страдания леди Снируэл не должны больше оставаться в тайне. (Отворяет дверь.)

Входит леди Снируэл.

Сэр Питер Тизл. Так! Еще одна модистка! Ей-богу, они у него запрятаны по всем комнатам.

Леди Снируэл. Неблагодарный Чарлз! Я понимаю ваше удивление, но вы должны же чувствовать,

до какого мучительного состояния меня довело ваше ве-
роломство!

Чарлз Сэрфес. Скажите, дядя, это опять вы
подстроили? Потому что, клянусь вам жизнью, я ничего
не понимаю!

Джозеф Сэрфес. Мне кажется, сэр, требуется
еще только свидетельство одного лица, чтобы все стало
необычайно ясно.

Сэр Питер Тизл. И это лицо, надо полагать,—
мистер Снейк.—Раули, вы были совершенно правы,
когда захватили его с собой. Пожалуйста, пригласите
его сюда.

Раули. Прошу вас, мистер Снейк.

Входит Снейк.

Я считал, что могут понадобиться его показания. Прав-
да, вышло так неудачно, что все они складываются про-
тив леди Снируэл, а не в ее пользу.

Леди Снируэл. Негодяй! Он все-таки меня пре-
дал! — Скажите, почтеннейший: вы тоже были в заго-
воре против меня?

Снейк. Я приношу вашей милости десять тысяч
извинений: вы заплатили мне крайне щедро за эту
ложь, но, к сожалению, мне предложили вдвое больше
за то, чтобы я сказал правду.

Сэр Питер Тизл. Мина и контролина, чорт по-
бери!

Леди Снируэл. Муки стыда и отчаяния да падут на ваши головы!

Леди Тизл. Постойте, леди Снируэл! Пока вы здесь, позвольте мне поблагодарить вас за труд, который вы и этот господин брали на себя, когда писали письма от моего имени к Чарлзу и сами же на них отвечали; и позвольте мне также попросить вас засвидетельствовать мое почтение коллегии сплетников, которую вы возглавляете, и доложить им, что леди Тизл, их сочлен, берет на себя смелость возвратить выданный ей диплом, ввиду того, что она прекращает практику и репутаций больше не умерщвляет.

Леди Снируэл. И вы, сударыня... Возмутительно... Бесстыдно... Чтобывшему супругу жить еще полсотни лет! (Уходит.)

Сэр Питер Тизл. У, что за фурия!

Леди Тизл. Да, нехорошее существо!

Сэр Питер Тизл. Не потому, скажите, что она выразила такое пожелание?

Леди Тизл. О нет!

Сэр Оливер Сэрфес. Так, сэр, а вы теперь что скажете?

Джозеф Сэрфес. Сэр, я до такой степени поражен, что леди Снируэл могла оказаться виновной в подкупе мистера Снейка и в желании обмануть всех нас, что я просто не нахожу слов. Но, чтобы ее мстительный дух не толкнул ее на какое-нибудь злодейство против моего брата, я лучше поскорее догою ее. (Уходит.)

Сэр Питер Тизл. Нравствен до последней капли!

Сэр Оливер Сэрфес. Да, и женитесь на ней, Джозеф, если это вам удастся.— Постное масло и уксус,— ей-богу, отлично получилось бы вместе!

Раули. Мне кажется, мистера Снейка нам не к чему больше задерживать.

Снейк. Прежде чем уйти, я прошу раз и навсегда извинения за те, быть может, неприятности, которые при моем скромном участии были причинены находящимся здесь лицам.

Сэр Питер Тизл. Что уж там, вы их искупили добрым делом напоследок.

Снейк. Но я должен просить присутствующих никогда этого не разглашать.

Сэр Питер Тизл. Как так? Что за чорт? Или вам стыдно, что вы раз в жизни поступили хорошо?

Снейк. Ах, сэр, посудите сами: я живу своей сомнительной репутацией. Единственное мое подспорье— это моя дурная слава. И если узнается, что меня смутили на честный поступок, я растеряю всех своих друзей.

Сэр Оливер Сэрфес. Хорошо, хорошо, мы вас не опозорим похвальным отзывом, не бойтесь.

Снейк уходит.

Сэр Питер Тизл. Вот безукоризненный мошенник!

Леди Тизл. Посмотрите, сэр Оливер, мне кажется, теперь уже не трудно будет помирить вашего племянника и Мэрайю.

Сэр Оливер Сэрфес. Да, да, все в порядке, и завтра утром мы справим свадьбу.

Чарлз Сэрфес. Благодарю вас, милый дядя!

Сэр Питер Тизл. Позволь, однако, плут ты этакий! Ты даже не спрашиваешь у девушки ее согласия?

Чарлз Сэрфес. О, я это сделал уже давно, минуту тому назад, и она посмотрела «да».

Мэрайя. Как вам не стыдно, Чарлз! — Уверяю вас, сэр Питер, я ни слова не сказала.

Сэр Оливер Сэрфес. И отлично! Чем меньше слов, тем лучше. Пусть ваша любовь никогда не знает убыли!

Сэр Питер Тизл. И живите друг с другом также счастливо, как мы с леди Тизл собираемся жить!

Чарлз Сэрфес. Раули, старый мой друг, я уверен, что вы за меня рады; и я чувствую, что многим вам обязан.

Сэр Оливер Сэрфес. Действительно многим, Чарлз.

Раули. Если бы мои старания помочь вам ни к чему не привели, вы были бы у меня в долгу за попытку. Но заслужите ваше счастье, и я буду вознагражден с лихвой.

Сэр Питер Тизл. Да, честный Раули всегда твердил, что ты исправишься.

Чарлз Сэрфес. Насчет того, чтобы исправиться, сэр Питер, я не даю никаких обещаний, и это доказывает, что я действительно намерен этим заняться; но у меня будет мой наставник, мой милый руководитель... Ах, разве можно сбиться с доброго пути, который озаряют эти глаза?

Покорный сердцем скилтру твоему,

Я добровольно власть его приму. .

Беглец безумств, я в этот трудный час

Найду приют лишь у любви и вас. (К зрителям.)

Пред приговором вашего суда

Само злословье смолкнет навсегда.

Эпилог

мистера Кольмена¹, произносимый леди Тизл

Я, ветерок, порхавший наугад,
Теперь в унылый превращусь пассат,
Стремя все вздохи долгого досуга
На ржавый флюгер — моего супруга!
То воля автора, верней — небес,
Чтоб плакали в конце веселых пьес!
Вам всем, кто женится под вечер лет
На юных модницах, здесь дан совет:
Везите в Лондон их, с грехами вместе;
Столица будет им купелью чести:
Нырнув в ее холодную струю,
Навек излечишь нравственность свою.
Так и со мной; и все же я грустна,
Очнувшись от блестательного сна.

¹ Джордж Кольмен-старший (1732—1794) — драматург, друг Шеридана.

О, кто из женщин,— женщины, скажите! —
Родясь затем, чтобы сиять в зените,
Как я, так рано скошен был в цвету,
Как я, так страшно ввергнут в темноту?
Стать скрягою, потратив так немного!
Покинуть Лондон — у его порога!
Ужель мне слушать пенье петухов,
Томительное тиканье часов;
В глухой усадьбе, где визжат с утра
Собаки, кошки, крысы, детвора,
С викарием свой коротать досуг
(Пока с соседом пьянистует супруг)
И, с ним в трик-трик сражаясь по полуше,
Дух умерщвлять, тоскующий по мушке?
Семь взяточ! Сладкий звук, мне будешь ты
Звучать на святках, за игрой в жгуты!
Недолгий час успехов отлетел;
Прощай навек, счастливый мой удел!
Прощайте, перья, пудреный парик,
Куда запрятан целый пуховик!
И вы, о карточные вечера,
Кадриль, вист, ломбер, мушка, бакара;
Дверные стукальца, чей медный рот
О милом госте весть нам подает;
Прощайте, титулованные лица,
И блеск, и шум, и роскошь, и столица!
Прощайте, балы, танцы до утра!
Для леди Тизл уже прошла пора.

Я жаловалась автору; но, ах,
Он отвечал: «В трагических ролях
Играть вам нужно в будущем году»,
И так провозгласил мне на ходу:
«Среди красавиц вы счастливей всех:
Опущен занавес — и кончен грех!
А сколько грешниц, в мишурах и блестках,
Кривляется на жизненных подмостках!»

Краткая справка

Ричард Бринсли Шеридан (1751—1816), один из блистательнейших людей своего времени, вознесенный на вершину славы и умерший в нищете, вошел в историю как видный политический деятель, представитель английского либерализма, и как замечательный комедиограф.

Его литературная деятельность была непродолжительна, и его драматургическое наследие невелико: комедия «Соперники», фарс «День святого Патрика, или Коварный лейтенант», комическая опера «Дуэнья» (все три — 1775 года), комедии «Школа злословия» (1777), «Поездка в Скарборо» (1777; переделка комедии Ванбру) и «Критик» (1779). Однако значение Шеридана в истории английского театра первостепенно, и определяется оно прежде всего достоинствами лучшей из его пьес — «Школа злословия».

Поставленная в ту пору, когда на английской сцене еще господствовала сентиментальная мелодрама, она восстановила в своих старинных правах веселую и острую английскую комедию, придав ей новый блеск.

«Школа злословия» — комедия нравов, где представители современного Шеридану общества очерчены с такой жизненной правдивостью, что их характеристика перерастает рамки эпохи и среды и становится общечеловеческой. Это язвительная сатира, достигающая

своей цели без того, чтобы кто-либо из действующих лиц произносил назидательные речи. «Школа злословия» обладает всеми качествами совершенной комедии: построение интриги, обрисовка персонажей и ведение диалога в ней образцовые. Комедия эта насквозь сценична: она написана не для чтения, а именно для театрального исполнения. Поэтому ее диалог так реалистичен, и если некоторые герои, как, например, Джозеф Сэрфес или сэр Бенджемин, говорят деланным языком, то это потому, что так они считали нужным говорить в обществе.

Шеридан создал шедевр, но не создал себе преемников. Его знаменитая комедия, явившись завершением предшествующих тенденций английской драматургии, осталась последним и непревзойденным образцом. После нее для английской комедии наступил длительный период упадка.

«Школа злословия» быстро приобрела всеевропейскую известность. В России она была впервые представлена в 1793 году в Петербурге, «на театре Эрмитажа», в переводе И. М. Муравьева-Апостола. Впоследствии она ставилась на русской сцене в вольных переделках (стихотворная комедия А. И. Писарева «Лукавин», 1823; «Наследство золотопромышленника» А. Соколова, 1872) и неоднократно переводилась.

Печатаемый ныне перевод был сделан для Государственного театра Комедии в Ленинграде, где «Школа злословия» была в первый раз представлена 25 апреля 1937 года.

Перевод выполнен по изданию Oxford University Press, 1906. К тексту комедии присоединено, кроме «Пролога» Гаррика и «Эпилога» Кольмена, посвящительное стихотворение Шеридана «Портрет».